

Алексей Пехов
Елена Бычкова
Наталья Турчанинова

Новые боги

Ночная столица



Annotation

Тысячелетиями они управляли людьми, навязывая им свою волю с помощью интриг и обмана. Они привыкли считать себя богами, а смертных – слабыми и покорными исполнителями своих желаний. Но сейчас кровные братья сами попали в ловушку собственного тщеславия. Опасный враг, поставивший кланы на одну чашу весов с человечеством, рвется к господству над ними. Теперь будущее и жизни всех зависят от человека. Но успеет ли тот помочь прежде, чем настанет апокалипсис?

Алексей Пехов, Наталья Турчанинова, Елена

Бычкова

Новые боги

Глава 1

Оплата долгов

Люди любят разоблачать чужие тайны. Это отвлекает внимание от их собственных¹¹.

24 апреля

Атум стоял посреди вечерней улицы, жадно вдыхая прохладный воздух. Смотрел по сторонам и чувствовал удовлетворение от того, что предметы вокруг остаются неизменными. Настоящими.

Деревья не оживали, не превращались в хищные лианы, не разлетались разноцветными летучими мышами и не исчезали бесследно. Под ногами был твердый асфальт, а не зыбкая субстанция, напоминающая воду и дым одновременно.

За то время, что Основатель пробыл в мире Иллюзий, в этом мире изменилось многое. Растаял снег, на деревьях набухли почки, обещая скорое появление зеленой дымки – призрака первой листвы. Запахи города не могли заглушить волшебный аромат весны.

Но самое главное – все здесь было реальным, материальным, не подверженным безумным, нелогичным изменениям. И сам Атум перестал чувствовать себя разорванным. После счастливого спасения с Грани, Дарэл снова замолчал. Создавалась иллюзия, будто он мертв. Но Основатель понимал, что это не так. Воля и сознание Атума лишь заглушили его, но сканэр продолжал существовать, и, похоже, избавиться от него невозможно. Значит, придется мириться с его незримым присутствием и быть очень осторожным.

Основатель свернул в один из дворов и пошел по разбитому тротуару мимо подъездов домов.

Телепат продолжал молчать. Атум снова попытался почувствовать хотя бы отголосок его мыслей, но вновь не ощутил в себе ничего подозрительного.

– Эй! Осторожнее!

Он задумался так глубоко, что не заметил человека, идущего навстречу, и столкнулся с ним.

– Извини, – буркнул Основатель, глядя на смертного, одетого в потрепанный спортивный костюм. – Не знаешь, сколько времени?

– Без десяти одиннадцать, – ответил тот, взглянув на часы, и хотел идти дальше, но Атум удержал его.

– А какое сегодня число?

– Двадцать четвертое апреля, – невозмутимо ответил тот, на всякий случай назвал год и, вместо того чтобы быстрее уйти от странного собеседника, который вполне мог оказаться пациентом сумасшедшего дома, с интересом уставился на Основателя: – А где находишься, знаешь?

– Да. Спасибо.

Атум шагнул от неожиданного доброжелателя и направился дальше.

Две недели. Порядочный срок.

– Что ж, – сказал он тихо сам себе, – пора возвращаться домой. Асиман, я полагаю, уже заждались. Да и Хранья, думаю, соскучилась. Надеюсь, ее ученики во время моего

отсутствия не успели передрапаться с пироманами или объединиться с кем-нибудь против меня.

Телефон конечно же не работал. Время, проведенное на Грани, сказалось на нем самым пагубным образом.

– Эй! – окликнул Атум человека, от которого отошел недалеко. Тот обернулся с вновь вспыхнувшим интересом. – Мобильный есть? Можешь дать позвонить? Я недолго...

Он набрал номер и подождал несколько секунд.

– Хранья? Это Дарэл.

Основатель прикрыл глаза, пережидая шквал бессмысленных вопросов и восторженных всхлипов.

– Со мной все в порядке. Извини за недолгое отсутствие... Что случилось? Да ничего особенного. Пришлось задержаться кое-где... Амир хотел избавиться от вас, но боялся моего внезапного появления? Передай ему, что я скоро буду и попытаюсь вознаградить его за терпение. Нет... не сразу, у меня есть еще одно небольшое дело. Да, мне нужна твоя помощь. Прямо сейчас. Приезжай.

Он назвал адрес, отключил телефон и сунул его в руки человеку. Тот хотел что-то сказать, но Основателю было уже не до него.

«Приятно, когда тебя ждут так страстно, – думал Атум, быстро шагая в сторону довольно оживленного в этот час шоссе. – Хотя это ожидание и вызвано всего лишь страхом за собственную судьбу и нежеланием потерять сильного союзника».

Он остановился на обочине дороги, поднял руку, и почти тут же рядом затормозила машина.

– Куда едем? – спросил водитель, мельком взглянув на позднего пассажира.

– Прямо до проспекта, потом сверни налево, а дальше я покажу, – рассеянно отозвался тот и закрыл глаза...

В темном переулке гулял ветер, принося с собой запахи дождя и мокрого камня.

Основатель стоял, прижавшись спиной к влажной стене, терпеливо дожидаясь появления старого знакомого. Давным-давно Атум учил своих первых созданий тому, как опасно уподобляться неразумным животным и есть в одном и том же месте в одно время. Вполне возможно, что твои привычки могут хорошо изучить и напасть на тебя в момент, когда ты занят своей беспомощной жертвой. Подобную беспечность по отношению к еде можно допустить только в том случае, если чувствуешь себя неуязвимым.

Как кадаверциан, например.

Общаясь с Кристофом и читая его мысли, Основатель мельком узнал многое о личной жизни колдуна. Тогда он почти не придал значения его секретам. Теперь кое-что из них могло пригодиться... Например, место, где тот предпочитает оставаться на ужин.

В воспоминаниях Атума мелькнул образ рыжеволосой белокожей девушки, крови которой мастер Смерти отдавал предпочтение...

Кадаверциан появился не скоро, но Основатель был терпелив. Когда в конце переулочка показался темный силуэт, Атум ощутил холодную волну силы и понял, что сегодня некромант особенно голоден.

Улыбнулся, поняв, что не ошибся в своем выборе места охоты.

Кристоф быстро прошел мимо, не почувствовав наблюдающего за ним: эманации недавней мучительной смерти заслонили для него все остальное. Едва ли не бегом колдун

поднялся на крыльцо и скрылся в доме.

Он задержался там совсем недолго, но достаточно для того, чтобы увидеть залитую кровью прихожую и труп девушки на ковре среди мокрых, свежих подснежников.

Атум сам не знал, зачем это сделал. Можно было оставить девчонку в живых, но сейчас он испытывал огромное удовольствие, уничтожив даже такую малость, имеющую отношение к некроманту.

– Доброй ночи, Крис. Рад тебя видеть.

Увидев Основателя, колдун не стал тратить время на объяснения и тем более извинения. Понимал, что это бессмысленно. Казалось, стены домов содрогнулись от оглушительного воя. Гулкое эхо прокатилось по узкому переулку, а свет фонарей заслонила огромная крылатая тень.

– Как жаль, – тихо сказал Атум, глядя на колдуна, чьи руки и глаза горели опасной магической зеленью. – Как жаль, что ты меня предал.

Крылатая тварь заслонила собой улицу. Атум совсем близко увидел ее широко разинутую пасть и взмахнул рукой. Невидимая ладонь сжала длинную шею Тёмного Охотника и вздернула его вверх. Потустороннее существо забило крыльями, пытаясь освободиться, захрипело. И в ту же секунду кадаверциан схватился за горло, словно его душила та же удавка, что и его слугу. Но колдун не спешил сдаваться, он швырнул в Основателя изумрудную молнию, однако тот с легкостью уклонился от заклинания и небрежно отразил очередную атаку некроманта, выбив из его рук боевой топор. А затем бросил в Тёмного Охотника длинный ледяной брус, покрытый черными шипами искр.

Призрачное «копье» вонзилось в грудь Охотнику, и тот с воплем рухнул на землю. Беспомощно забился, поливая асфальт бурой кровью. На белой рубашке Кристофа расплылось темное пятно, он попытался освободить слугу, но магия Атума крепко держала крылатую тварь привязанной к этому миру. Кадаверциан пошатнулся, однако устоял на ногах. И тогда Основатель обрушил на Охотника еще один кристалл. Колдун рухнул на землю...

– А ведь Вольфгер предупреждал тебя, – хладнокровно заметил Атум, приближаясь. – Просил прекратить эксперименты с темной тварью. Но ты не послушал. Привязал к себе так крепко, что его раны становятся твоими.

Он коснулся носком ботинка неподвижного крыла потустороннего существа и вздохнул с притворным сочувствием.

– Ты, видимо, считал, что этих замечательных крылатых слуг невозможно убить?.. И был отчасти прав. Невозможно никому, кроме Основателя.

Он подошел к колдуну, грудь и руки которого были залиты кровью, но в глазах по-прежнему горел яростный зеленый огонь. Атум укоризненно покачал головой, в задумчивости посмотрел на стены окружающих домов.

– Я доверял тебе. Считал своим другом. А ты меня предал. Ради чего, скажи?

Говорить колдун не мог. Ледяные змеи, пожирающие внутренности Охотника, раздирали и его тело.

– Знаешь, я все еще верю в закон равновесия. Ни одно деяние не может остаться без последствий. И твоя, безусловно оригинальная, идея устроить мне экскурсию в мир лигамента не должна остаться без внимания. Думаю, я сделаю то же самое. Осталось лишь решить, куда отправить тебя.

Основатель заметил, что Кристоф перестал смотреть на него. Некромант пытался дотянуться до крыла своего слуги.

– Какая трогательная привязанность, – улыбнулся Атум, хотя внутри него все клокотало от бешенства. – Но ты не сможешь ему помочь. Это заклинание тебе не под силу. Как и всем остальным в этом мире... Впрочем, я отвлекся. В какое же пространство предложить тур для тебя? Пекло асиман – слишком жарко, то, что осталось от ледников их братьев леарджини – слишком холодно. Даханавар – слишком призрачно.

Пальцы Кристофа, наконец, сомкнулись на кожистом крыле Охотника, тот дернулся, открыл глаза, и его мутный взгляд встретился со взглядом кадаверциана.

– Нахтцеррет! – с глумливой радостью ведущего ток-шоу воскликнул Атум. – Да! Именно то, что тебе нужно.

Он наклонился, взял колдуна за мокрые от крови волосы и повернул к себе его голову.

– Будь добр, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю. Тебе понравится в Садах Боли. Жаль, что ты не сможешь рассказать мне об этом.

Дверь подъезда соседнего дома распахнулась, и по ступенькам обшарпанного крыльца легко сбежала невысокая стройная девушка. Приблизившись, остановилась рядом.

– Я обращалась к тебе за помощью, – сказала она, сверху вниз глядя на кадаверциана, – но ты отказал мне. Не захотел ссориться с Миклошем. Не захотел рисковать своим драгоценным кланом и в итоге погубил мой. Это было большой ошибкой, Кристоф.

Она посмотрела на Основателя, кивнула, затем отвела взгляд и чуть нахмурилась, сосредотачиваясь. Атум почувствовал первое дуновение мира Нахтцеррет и наклонился над некромантом:

– Теперь идем, Крис. Путь неблизкий. А у меня есть кое-какие дела еще и в этом мире.

Глава 2

Ответная услуга

Чтобы вернуть свою молодость, достаточно повторить ее безрассудства^[2].

24 апреля

Однажды Луций рассказал Миклошу старинную легенду о том, что первое зеркало на земле придумал Лигамент. Повелитель иллюзий долго смотрел в него, а затем разбил, ужаснувшись своего одиночества. И создал себе детей. Иноканоана, Соломею и других – таких же ущербных, несчастных, странных и смертельно опасных, как и он сам.

– По мне, так лучше бы он и вовсе не смотрелся в дурацкие зеркала, – прошептал Бальза, вспоминая неприятную ночь в трамвайном депо.

Сейчас тхорнисх, как и сгинувший во тьме веков Лигамент, желал разбить зеркало. Ему очень не понравилось увиденное, но Миклош понимал, что, даже сокрушив иллюзию, не изменит реальность.

А реальность была не той, какую хотел бы видеть нахтотер. Он чувствовал себя старой развалиной. Впрочем, и выглядел теперь иначе, чем пару недель назад. Вряд ли кто-нибудь сейчас дал бы ему двадцать человеческих лет. Скорее двадцать пять.

Миклош Бальза изменился.

Стал взрослее.

Постарел.

Жало взяло с него положенную плату. И только теперь нахтотер начал понимать, почему Луций, которому во время обращения едва исполнилось сорок, выглядел в последние годы жизни на шестьдесят. Использование артефакта, доставшегося клану от Основателя, жрало жизненную силу и молодость.

Именно поэтому Луций предупреждал ученика о непомерно высокой плате, которую взимает с обладателя Жало. И, доверяя учителю, за все прошлые годы тот ни разу не прикасался к артефакту. Он не пользовался им во время первого мятежа Храньи, не воспользовался и потом, чтобы перекроить мир и уничтожить Фелицию.

Для господина Бальзы не было ничего ценнее господина Бальзы. И все подковерные интриги, грызня, возня и суета шли прямой дорогой на солнце – если были затронуты интересы его благополучия и здоровья. Миклош предпочитал выжидать, благо куда не торопился.

Он посмотрел на едва заметные морщинки в уголках глаз, вздохнул. Борода старила его еще сильнее, но с этим тоже ничего не сделаешь – Хранья еще жива. Он избавится от этой неудобной, вечно чешущейся дряни только после того, как вытащит сестрицу на солнце.

Бальза отошел от зеркала, рухнул в кресло, запустив пальцы в растрепанные волосы. Последние известия не способствовали его хорошему настроению. Основатель в теле Дарэла, гин-чи-най, кланы, которых не было, тысячелетнее противостояние и еще целый океан лжи, недомолвок и столь нелепой мерзости, что голова шла кругом.

От всех этих новостей чувствовал он себя не самым лучшим образом. Мало радости получить подтверждение, что ты не один во вселенной. Знать, что какие-то твари, до

которых даже нельзя добраться, пытаются лезть в политику кланов, вершить их судьбу и делать так, как нужно им... Не слишком приятное ощущение. Понимать, что где-то по столичным подворотням ходит всемогущая мразь, встречаться с которой опасно для здоровья. Осознавать, что твой город уже не принадлежит тебе, и какая-то древняя гадина, из которой давно песок сыплется, пытается мутить воду в и без того мутной реке – что может быть отвратительнее...

Единственный повод для радости заключался в том, что господин Бальза смог противостоять Основателю, пускай и с помощью Жала.

Миклош взял лежащий на столе клинок и убрал его в ящик, а затем достал носовой платок и тщательно вытер вспотевшие ладони – артефакт стал неприятно теплым и жег кожу, оставляя на ней красные следы.

Бальза пробормотал ругательство.

Ему было невыносимо душно в доме – не помогали ни кондиционер, ни распахнутые настежь окна, ни ледяной ветер, что залетал с улицы и колыхал занавески. Миклош потел, постоянно принимал душ, менял рубашки, чертыхался, но ничего не мог поделать: последствия использования Жала давали о себе знать.

Больше не в силах находиться в помещении, он спустился вниз, набросил на плечи легкое весеннее пальто и вышел подышать чистым воздухом. Хотя днем, похоже, было яркое солнце, к вечеру наступил холод, и на лужах появилась толстая ледяная корка.

– Когда же кончится эта проклятая зима, – прошептал господин Бальза. – Слово весь мир захватили леарджини, и мороз будет вечным.

Он почувствовал движение за спиной, обернулся и встретился взглядом с Рэйлен. Девчонка неотступно следовала за ним, куда бы он ни пошел. После визита в «Лунную крепость», когда ей пришлось уступить свою роль Норико, она старалась наверстать упущенное. Более верного и утомительного телохранителя было не найти в целом мире.

Миклош раздраженно повел плечами, еще раз посмотрел на ученицу Йохана и ничего не сказал. Сунув руки в карманы, побрел вокруг дома.

Нахтотер не стал менять логово, лишь укрепил периметр территории многочисленными ловушками, капканами и крысоловками. Без его позволения сюда не пробрались бы даже вриколакосы. Бальза больше не боялся, что кто-нибудь узнает, где он. После случившегося было как-то поздновато скрывать, особенно учитывая то, что Паула давным-давно ушла, успев рассказать ему сказочку о злобном психованном прародителе кровных братьев. Слухи о воскрешении Миклоша уже расползлись по Столице, и те, кому надо, наверняка разузнают, где его искать.

Однако пока никто не рискнул нанести ему визит вежливости. Ни кровные братья, ни Хранья, ни Основатель. Впрочем, если верить Кристофу, последний был заточен в мире Лигаментиа. Но как долго новый Дарэл просидит там – никто не знал. И поэтому господин Бальза старался без нужды в город не выходить, разумно предполагая, что его дом – лучшая на сегодняшний день крепость.

Порой рыцарь ночи пытался успокоить себя тем, что вряд ли понадобится Основателю. А с другой стороны, он хорошо понимал, что если тот хотя бы немного злопамятен, то скорее всего не забудет, как Миклош посмел выступить против него.

В такие минуты нахтотер начинал подумывать, что пора покинуть Столицу. Переехать куда-нибудь. Например, в Стокгольм или Нью-Йорк. Мало ли в мире городов, где всегда найдутся блондинки?

Но его держала Хранья. Сестрица умудрилась спеться с Основателем, и, если дело спустить на тормозах, неизвестно насколько она укрепитя и какие знания получит от этой могущественной гниды.

Нет. С ней следует разобраться как можно скорее. Пока не стало поздно.

– Норико звонила? – негромко спросил он.

– Да, нахтотер, – тут же отозвалась Рэйлен. – Час назад. Никаких новостей.

Миклош разочарованно поджал губы и неспешно направился к крыльцу. Вошел в дом. Не глядя, сбросил с плеч пальто, ловко подхваченное девушкой.

Никаких новостей, даже несмотря на то что Норико черной куницей носится по всей Столице в поисках хоть каких-то следов!

Еще одна ночь впустую. Хранья затаилась. Оставила разоренную магией и пламенем «Лунную крепость» и смылась под крылышко Основателя, логово которого дьявол знает где спрятано. И теперь сестрицу не выкуришь.

– Проклятая мокрица! – буркнул господин Бальза, входя в гостиную. – Рэйлен! Потуши камин. Жарко.

Он лег на диван, закинул руки за голову и стал смотреть в белый потолок, потом закрыл глаза, слушая, как возится девчонка.

У Храньи осталось лишь пятеро сторонников, и все они, вместе взятые, даже с сестрицей не так сильны, как прежде. Жало дает Миклошу преимущество в борьбе. Но не против Основателя.

– Какого черта эти гин-чи-най скрываются, когда они действительно нужны?! – зло сказал он в пустоту, не открывая глаз. – Где следует расписаться кровью, чтобы они дали мне возможность добраться до этой медузы?!

Он не колеблясь заключил бы любой договор, если бы только ему пообещали голову Храньи на блюде и невмешательство в семейную разборку новой в Столице силы – Основателя.

Рэйлен кашлянула, однако Миклош, занятый своими мыслями, не обратил на нее никакого внимания.

– Нахтотер... – не выдержала она.

– У тебя больше нет дел, кроме как докучать мне? – желчно поинтересовался Бальза.

– Простите, я просто хотела...

– Ступай, – не терпящим возражения тоном велел он.

Она ушла, но лишь для того, чтобы вернуться с мобильником:

– Это вас, нахтотер. Рамон.

Господин Бальза вздохнул, протянул руку, взял телефон:

– Да, Рамон... Да... И я... Представь себе, рад, что я жив. Даже больше, чем ты. Вот как? Сколь лестно слышать, что вьесчи все еще поддерживают Нахтцеррет. Настоящий Нахтцеррет, а не ту жидкую рыбью кровь, что пытается любыми способами добиться чужого расположения. Ну, полно. Какая ирония? Я совершенно серьезно. – Лицо Миклоша было кислым, словно он съел целый железнодорожный состав лимонов. – Вот как? Не может быть. То есть я хотел сказать: неужели это ты? Вьесчи так редко извиняются, что мне просто неловко. О! Ты не извиняешься. Ну, значит, мне показалось. Тогда можешь извиниться прямо сейчас... По какому поводу?! – Господин Бальза стал темно-бордового цвета и, брызгая слюной, заорал в трубку: – Это ты меня спрашиваешь, Рамон?! Какого дьявола мои счета закрыты, а деньги ушли к сестрице?! Как работают твои банки, если произошло такое?! Ах,

ошибка?! Непростительная ошибка! Возмутительная ошибка!! Репутация клана Негоциантов больше совсем ничего не стоит! Какое, к черту, наследование?! Какие известные ей пароли?! Мало ли, что вы думали! Ну и что, что я умер! Да мне Хранья такой же родственник, как тебе Тёмный Охотник!

Он замолчал, слушая спокойный голос вьесчи и поняв, что орать на него бесполезно – все равно не проймешь. Рамон всегда считает себя правым, даже если прет у тебя из кармана парочку миллиардов. Такие мелочи для него – не повод ругаться.

– Да. Хорошо. Не будем выносить сор из избы... Делайте, что хотите, но деньги должны быть у меня. Сегодня же. И тогда я не стану окончательно портить вашу подмоченную репутацию. Всего доброго. О да. И тебе хорошей ночи.

Он нажал «отбой», подумал было вмазать мобильник в стену, но поймал жалобный взгляд Рэйлен и кинул телефон ей.

– Придурок! всю свою жизнь мне приходится иметь дела исключительно с идиотами!

Миклош снова выставил Рэйлен вон и, оставшись в одиночестве, принялся ждать возвращения Норико.

Ему была нужна информация, где скрывается Хранья...

От мыслей его отвлек Альехо:

– Нахтотер, к вам посетительница.

Миклош удивленно поднял брови. Гостей он сегодня не ждал:

– Надеюсь, блондинка?

– Нет. Кадаверциан.

– Ого! Колдунья и не блондинка? – Он подумал о Доне, разочарованно цокнул языком. – Оч-чень интересно. Что же. Пригласи даму в кабинет через пару минут. И будь с ней повежливее.

Он поднялся, надел чистую рубашку, застегнул сапфировые запонки, гадая, что понадобилось от него клану Смерти.

Гостья оказалась гостем, и Миклош, увидев Флору, разочарованно поджал губы:

– А... Вивиан. Что тебя привело в мою скромную обитель?

Ученик Кристофа казался взбудораженным и нервным. Странно было видеть отражение подобных эмоций на прекрасном лице, доставшемся ему от леди даханавар. Мальчишка, конечно, постарался как мог избавиться от сходства с погибшей любовью колдуна с помощью уродливой одежды и короткой стрижки, но все равно сражение с даханаварской привлекательностью было неизбежно проиграно. К несчастью для Вивиана, Флора принадлежала к той редкой породе женщин, которые выглядят изумительно в любой одежде. Хоть в бальном платье, хоть в бесформенных штанах и растянутом свитере.

Кадаверциан сел в предложенное кресло, крепко стиснул подлокотники и произнес торопливо:

– Основатель выбрался из мира лигаментиа. Грань не смогла его сдержать.

– И почему я не удивлен, – равнодушно пожал плечами Миклош. – Я с самого начала говорил, что из затеи твоего учителя не выйдет ничего путного. И как ему вообще могло прийти в голову обращаться за помощью к малолетним сумасшедшим...?! Видимо, Основатель теперь очень зол, – предположил господин Бальза, не без удовольствия рассматривая взволнованное лицо Флоры.

– В ярости, – хмуро подтвердил Вивиан. – И он забросил мэтра в мир Нахтцеррет. Ваш

мир.

– Сады Боли? – господин Бальза невесело хохотнул и откинулся на спинку кресла. – Откуда эти сведения? Основатель позвонил тебе, чтобы поразить вас своим чувством юмора? Или Кристоф оставил предсмертное письмо?

– Его Тёмный Охотник... – Некромант замялся, видимо решая, стоит ли посвящать Миклоша в тонкости магии кадаверциан. – В общем, он передал, где находится мэтр и что ему нужна помощь.

– Не знал, что вы используете этих тварей в качестве почтовых голубей.

Некромант с досадой взглянул на собеседника:

– Мы не используем. Но Крис сумел установить со своим очень прочную связь. Так что теперь его Охотник... – Вивиан запнулся и решительно тряхнул головой. – Впрочем, это неважно. Нам нужна помощь.

– И при чем тут я?

– Это мир Нахтцеррет, – терпеливо повторил Вивиан.

– Верно. Но все равно не улавливаю связи. – Миклош продолжал корчить из себя идиота.

– Босхет передал моему учителю ваши слова о долге перед ним...

– Я готов сделать многое, – перебил его нахтотер, ничуть не кривя душой. – Но чего я не собираюсь делать, так это лезть в Сады Боли, мальчик. С легкостью согласиться сунуться туда могут только сумасшедшие. Этот мир не подчиняется никому! Даже клану Нахтцеррет. Кстати, с тем же успехом в него могут отправиться и ваши колдуны.

– Если потребуется – я пойду, – сухо заметил ученик некроманта.

Бальза отстранение подумал о том, как жаль, что Флора умерла столь не вовремя. Девчонка любила власть, но из-за дурацкой игры Амира вляпалась в противостояние с Фелицией, и теперь в этом прекрасном теле суждено жить наивному дураку, который даже не понимает, о чем просит.

– Ну, тогда составь завещание. – Бальзе начал надоедать разговор. – Ты не продержишься и пяти минут.

– Я практически не сомневался, что Нахтцеррет не умеет держать слово, – с презрением сказал Вивиан, вставая с кресла.

– Не тебе читать мне мораль, щенок! – отчеканил Миклош и приказал: – Сядь!

Но, увидев, что кадаверциан не подчиняется, сбавил тон:

– Сядь. Я еще ничего не решил. Мне следует подумать.

Вивиан поколебался и вновь опустился в кресло. Нахтотер тяжело вздохнул, достал Жало, заметил, как напрягся колдун, и начал править карандаш.

Чик. Чик. Чик.

Добившись идеальной остроты, рыцарь ночи провел на белоснежном листе волнистую линию. Кристоф идиот, раз дал себя упечь. Это неоспоримо.

Но и Основатель хорош – не убил колдуна, а отправил в ссылку без обратного билета. Впрочем, послать кровного брата в Сады Боли равносильно убийству. Только очень медленно и мучительно.

Какие выгоды клану и самому Миклошу в том, что колдун вернется?

Кадаверциан – это тот, вокруг кого могут сплотиться остальные. Он силен. Без мастера Смерти справиться со всем случившимся в Столице будет гораздо сложнее. Кроме того, его возвращением можно будет позлить нового Дарэла. Возможно, Основатель разозлится настолько, что прибудет Хранью... А даже если и нет, тот, кто сумел провести Витдикту –

ценный союзник.

Заслуживает ли это неоправданно высокого риска? Вполне. К тому же когда еще у Миклоша появится такая возможность – стать спасителем благородного рыцаря? Очень романтичный подвиг. Ха-ха.

– Хорошо. Будем считать, что я согласен, но есть условия... – произнес господин Бальза, заштриховывая часть рисунка.

Вивиан пошевелился в кресле и осторожно, стараясь не спугнуть удачу, произнес:

– Я вряд ли уполномочен вести дипломатические переговоры и обещать что-то клану Нахтцеррет.

– Я делаю это не ради выгоды! – оскорбился господин Бальза, даже не оторвавшись от работы – царапанья карандашом по бумаге. – «Noni soit qui mal у pense!»^[3] Одному в Садах Боли делать нечего, молодой человек.

– Я уже сказал, что готов идти, – тут же решительно заявил проситель.

Бальза желчно усмехнулся:

– Ну, во-первых, ты не знаешь, на что соглашаешься. А во-вторых... Я тебя с собой не возьму.

– Почему? – возмутился тот.

– Потому что ты женщина.

Миклош поднял глаза, увидел, как окаменело лицо Вивиана, и мило улыбнулся:

– Это не издевательство, мой друг. Мне, право, все равно, что за суть наполняет эту прекрасную даханаварскую оболочку, но тело есть тело. А женщинам в Сады Боли ходу нет. Так что мне потребуется иная кандидатура. Кто-нибудь еще из клана Смерти желает составить мне компанию?

Вивиан не колеблясь ответил:

– Любой из нас.

– Я бы предпочел Аду. Или Дону, – проворчал Миклош нахохлившись. – Но, к сожалению, придется довольствоваться худшим.

Эти слова не понравились ученику Кристофа, он нахмурился, однако вновь промолчал.

– Кто из колдунов сейчас в Столице? – Господин Бальза закончил набросок и протянул его через стол.

– Весь клан, – мальчишка посмотрел на рисунок. – Это ведь не я, да?

– Верно. Это Флора. Такая, какой я ее запомнил на балу Фелиции. Она очаровательно танцевала с Йоханом. Воистину, королева бала. Так кто в городе? Перечисли поименно. Только мужчин.

– Анри.

Миклош фыркнул:

– Наставник безумной бэньши? Ну, нет! Увольте! – Нахттотер поднял вверх обе ладони, словно сдаваясь. – Сколько я его помню, в голове сплошные куртизанки и пустота! Слишком легкомыслен и безответственен, чтобы я рискнул доверить ему себя. Дальше.

– Адриан.

– Уже что-то. Но после стычки в Праге во время первого Великого Наводнения мы друг друга не слишком-то жалуем.

– Филипп.

– А... – протянул Миклош. – Чертов аристократ. Он белоручка. Хорошая защита, но непутевое нападение. Мне он точно не подойдет. Кто там следующий в списке?

– Франциск.

– Старик еще не преставился? – оживился господин Бальза. – Впрочем, от него не будет никакой помощи. Я не собираюсь работать поводырем.

– Грэг.

– Он ведь тоже мастер Смерти, не так ли?

Вивиан кивнул.

– Цепкий парень... Однажды схватился с правой рукой Винченцо Лудэра и его учениками и размазал их по стенкам монастыря Святого Стефана в Саламанке... Да. Пожалуй, он то, что нужно. Позвони ему.

– Сейчас? – Вивиан явно не ожидал от господина Бальзы такой прыти.

– Нет! Через неделю! Как раз когда от твоего обожаемого мэтра останутся рожки да ножки! Раз уж решили, лично я не собираюсь ждать – ночь только началась.

Глава 3

Сады Боли

*Какая странная сегодня луна на небе...
...О, какой у луны странный вид! Можно подумать, будто это
рука мертвой, пытающейся закрыть себя саваном^[4].*

24 апреля

– Я бы хотела пойти с вами, нахтотер.

Миклош бросил взгляд в зеркало дальнего вида:

– Знаю, цыпленок. Знаю...

Сидевшая за рулем Рэйлен задумалась на мгновение и снова взволнованно спросила:

– Быть может, вам стоит взять с собой Арлекина, нахтотер?

– У него нет должного опыта, чтобы шляться по Садам Боли. Мастер Смерти – это лучшее из того, что мне сейчас можно предложить.

Повисло молчание. Бальза по старой привычке смотрел в окно и мысленно ежился – влажный, ледяной, стегающий, точно плеть, ветер гулял по Столице, заставив улицы вымереть. И смертные, и бессмертные предпочитали не выходить из домов.

Машина проехала по мосту через реку. По воде неслись огромные волны, словно это было море. «Кажется, на юге, где берега низкие, будет наводнение», – отстраненно подумал Бальза.

Несколько деревьев вдоль дороги оказались повалены, а огромный рекламный щит погнулся, точно его мял в лапах великан.

Миклош постарался полностью отключиться от происходящего за окном и сосредоточиться на предстоящем. Он вспоминал все, чему учил его Луций. Безопасное место входа, ориентиры, правила поведения, негласные законы и конечно же подходящие заклинания.

Спустя полчаса они наконец остановились рядом с парком, разбитым недалеко от огромной телебашни. Сейчас были видны лишь ее опоры и первая треть, все остальное скрывалось в стремительно несущихся над городом облаках.

– Жди меня здесь, – сказал Бальза, отстегивая ремень безопасности. – Сопровождение не требуется. Если не вернусь до рассвета – сами решайте, что делать дальше.

Он надел капюшон, теплые перчатки и, задержав дыхание, шагнул на пронизывающий ветер. Тот выл в ушах, словно души обозленных грешников, и бесцеремонно подталкивал в спину. Господин Бальза прошел по асфальтовой дорожке, днем, вероятно, мокрой, а теперь застывшей и ужасно скользкой, и, обходя тусклые огни телецентра, свернул в парк.

Фонари здесь были старые, облезшие. Лампы, накрытые козырьками, висели на хлипких проводах, раскачиваясь из стороны в сторону, как ополоумевшие. Пятна света прыгали туда-сюда, освещая то дорогу, то деревья с кустарником, то вновь дорогу. Пошел снег – ледяной, колючий, мелкий и частый.

В белой круговерти Миклош увидел фигуру, стоящую возле маленького железного мостика, перекинутого через стылый ручей, почувствовал некроманта и неспешно приблизился.

– Доброй ночи, – кивнул ему Грэг.

– Не такая она и добрая, раз свела нас вместе.

В мерцающем свете бледных фонарей кадаверциан казался похожим на головореза – выше нахтотера на голову и гораздо шире в плечах. Стальные глаза цепко смотрели из-под вельветовой широкополой шляпы, украшенной черным вороньим пером. Густые брови, баки, закрученные усы, разделенная на две половинки борода, перевязанная черными ленточками, и ослепительная улыбка.

Миклош с интересом изучил длинный темно-коричневый камзол из плотного английского сукна, серебряные пуговицы с гравировкой герба Адмиралтейства, темные штаны из шотландской шерсти и лакированные башмаки с янтарными пряжками.

Грэг, сложив губы трубочкой, свистнул. Звук мгновенно подхватил ветер и швырнул к сизым небесам. Кадаверциан чуть подался вперед, прищурился, вглядываясь в снежную пелену, вытянул руку, и из мрака на нее спикировал бесформенный мокрый комок.

– Что это? – брезгливо поинтересовался Бальза.

Тварь оказалась попугаем. Во всяком случае, была им до той поры, пока жила. Теперь это было *нечто* с торчащими во все стороны редкими темно-фиолетовыми перьями, сквозь которые проглядывала серо-розовая кожа. Глаза птицы горели ядовитой зеленью.

– Это Пако, – отозвался мастер Смерти. – Пако, познакомься с господином Бальзой.

Гадина неуверенно потопталась на руке хозяина, затем перебралась ему на плечо, окинула Миклоша придирчивым взглядом, подняла огромный хохолок и произнесла резким до одури голосом:

– Мистер! Дайте шиллинг!

– Надо же! – удивился Грэг. – Похоже, ты ему понравился.

Бальза скривился:

– Флибустьерское прошлое?

– Вроде того, – улыбнулся в бороду кадаверциан.

Попугай нахохлился. Вид у него был такой, словно его прожевала, а затем выплюнула голодная кошка.

– И что, эта курица отправится с нами?

– Куда я – туда и он.

Миклош тоже нахохлился и мрачно подумал, что ошибся – следовало брать с собой Адриана.

Не сговариваясь собеседники пошли по дороге, направляясь в глубину парка.

– Весна в этом городе особенная, – улыбнулся некромант, глядя на снежную круговерть.

– Да уж, тут не поспоришь, – согласился господин Бальза. – Что тебе известно о Садах Боли?

– Не много. Лишь то, что я смог отыскать в библиотеке Вольфгера перед сегодняшней встречей.

– Значит, лишь домыслы. Ладно. Просто держись рядом и постарайся не заниматься самодеятельностью.

– Как прикажете, капитан. – Иронии в валлийце было хоть отбавляй.

– Кренгельс^[5] тебе в задницу! – прокомментировал Пако.

– Его можно как-нибудь заткнуть? – раздраженно поинтересовался нахтотер.

У него руки чесались уничтожить говорливую тварь.

– Говорю же, Миклош, ты ему нравишься. Обычно с чужаками он молчалив, как рыба.

Кстати, почему ты выбрал это место? В путешествие можно было отправиться и из дома.

– Не мог упустить возможности выйти на прогулку. Превосходная погода для того, чтобы подышать свежим воздухом. Не находишь? – съязвил нахтотер.

Грэг оценил иронию и хлопнул тхорнисха по плечу так, что тот едва не улетел на обочину.

– Поаккуратнее! – возмутился Бальза.

– Мистер, дайте шиллинг! – вновь заканючил мерзкий попугай.

Его зеленые глаза глядели зловеще, и Миклош про себя пожелал проклятой птице сдохнуть еще раз.

Теперь снег валил сплошной стеной, они шли сквозь него, согнувшись в три погибели. Грэгу приходилось держать шляпу, чтобы очередной порыв ветра не сдул ее с головы. Пако спрятал башку под крыло и наконец-то заткнулся.

Дорога через парк оказалась ужасной – такое ненастье, по мнению Бальзы, можно ожидать где-нибудь на Северном полюсе, но никак не в Столице, да еще и ближе к концу весны. Снег был тяжелым и влажным. Он свинцовым грузом оседал на проводах и ветвях, заставляя их прогибаться, а затем, подчиняясь ветру, вздрагивать и ронять белые хлопья на землю.

– Если так будет продолжаться дальше, как бы нам не завязнуть в сугробах! – перекрикивая вой ветра, сказал некромант.

Бальза кивнул, показывая, что слышит, но не ответил: слишком сильно был занят тем, что формировал коридор перехода.

Они миновали парк, пересекли пустое шоссе и оказались на улице. Сквозь крылья безумствующего бурана проглядывали призраки девятиэтажных домов, в которых все окна были темны. Остовы заснеженных машин, брошенных на произвол судьбы спасающимися от ненастья людьми, казались выброшенными на мель кораблями. Миклош на ходу отряхнул ставшие белыми плечи и решительно направился вперед, чувствуя, как слабеет ветер.

Мимо переполненных мусорных ящиков, ободранных автомобилей, разбитых фонарей и поваленных деревьев они все дальше и дальше углублялись в северные кварталы Столицы.

В какой-то момент Грэг прищурился и потянул носом воздух:

– Улица мертва. – Некромант не спрашивал, а утверждал.

– Верно, – отозвался господин Бальза, радуясь, что буран утихает. – Добро пожаловать в преддверие Садов Боли.

– Люггер^[6] плыл на восток! – внезапно заорал Пако и внес важное уточнение: – А затем на запад...

Он заклохотал, словно курица, и перелетел на другое плечо Грэга.

– Ловко, – оценил мастер Смерти. – Не заметил, как мы переместились.

– Ну, тут не ваш туманный мир и не Грань лигаментиа. У Нахтцеррет иные законы.

– Это я уже понял.

По суровому лицу валлийца было неясно, что он вложил в эту фразу, но нахтотеру послышалась издевательская нотка, которую сейчас, однако, он предпочел не заметить.

– Когда мы окажемся на месте?

– После третьих склянок!! – влез в беседу попугай и тут же спрятал голову под крыло.

– Ты сразу это почувствуешь, – нехорошо усмехнулся Бальза.

– Уже чувствую. Вокруг сплошные мертвецы. – И, увидев непонимающий взгляд господина Бальзы, добавил: – В домах.

– Поверю на слово. – Миклош посмотрел на быстро очищающееся небо. – У меня никогда не было желания заглядывать внутрь.

– Не *любишь* покойников? – живо поинтересовался спутник.

– Просто не страдаю чрезмерным любопытством там, где этого не следует делать, – холодно отрезал Миклош, косясь на темные выбитые окна и вспоминая, что в прошлый раз, когда его привел Луций, здесь вместо города была мрачная, разоренная чумой деревушка. – Что до любви к трупам, некрофилия не входит в достоинства Золотых Ос. Это скорее относится к клану Смерти^[7].

– Некрофилия? – нахмурился Грэг. – Ты совсем ничего не знаешь о нас, Бальза, раз путаешь грязное влечение к мертвым с уважением к Смерти.

– Ну, да. Возможно, я ошибаюсь. Наши кланы были не слишком-то близки до последнего времени, – проворчал нахтотер, которого сейчас больше занимал шорох за ближайшим углом, чем философские диспуты. – Некрофилия – это капуцинские катакомбы в Палермо. У вас нечто другое.

Мертвый попугай, не вынимая головы из-под крыла, глухо и зловеще расхохотался.

– Что это с ним? – поднял брови господин Бальза.

– Пако удивлен, как и я. – Валлиец был серьезен, но его стальные глаза, кажется, смеялись. – Нахтотер публично признает ошибки.

– Нахтотер просто старается быть любезным, колдун. И ничего более.

Ветер полностью стих, снег на земле исчез, а улица закончилась. Впереди под золотистым светом огромной полной луны возвышался странный лес.

– Добрались, – с видимым облегчением сказал рыцарь ночи.

Он уже начал опасаться, что забыл дорогу.

Пако выразил свое отношение витиеватым и скабрёзным ругательством.

– Не самое уютное местечко, – оценил некромант.

– Еще нет... – неопределенно пробормотал Миклош, решительно направляясь вперед.

Влажный избитый асфальт сменился широкой тропой, посыпанной мелкими, белыми, отражающими лунный свет осколками человеческих костей. Они негромко поскрипывали под подошвами башмаков, пока двое кровных братьев приближались к кромке леса.

Вблизи тот оказался еще более отталкивающим. Деревья, названий которых никто не знал, достигали высоты семиэтажных домов. Их стволы были черными, страшно изломанными и искривленными. На редких толстых ветвях росли огромные шипы, походящие на иглы дикобраза. Их кончики, бледные, изжелта-восковые, с выступившей смолой, блестели, словно ртуть.

Грэг протянул руку, чтобы изучить колючку поближе, но Миклош бесцеремонно ударил его по запястью и грозно сказал:

– Даже не думай касаться шипов! Потом деревья от тебя не отстанут. А нам еще возвращаться.

– Их смола похожа на яд.

– Он и есть. Мой учитель говорил, что эта штука способна свалить с ног даже Нософорос. Но, по мне, есть более гуманные способы самоубийства, чем трогать ядовитую дрянь.

Они шли сквозь скрюченный, больной лес, от которого стало потягивать смрадом. И чем дальше спутники продвигались, тем сильнее становился запах тлена.

– Не обижайся, Миклош, но место отвратительное.

– Что поделать, – притворно вздохнул господин Бальза. – Все остальные миры разобрали, и нам пришлось довольствоваться оставшимся. Спасибо Основателю, будь он трижды проклят!

– Потешь мое любопытство. – Грэг держал руки в карманах и зорко поглядывал по сторонам, стараясь не коснуться веток – деревья обступили сузившуюся тропу со всех сторон. – Зачем тебе понадобилась моя помощь? Сады Боли, конечно, не похожи на Кюрасао или Бонэйр, но не выглядят уж очень ужасными.

– Да ну?! Эта помойка намного опаснее, чем царство кадаверциан. Нам просто пока везет. Ты будешь прикрывать мою спину, когда я буду занят. К тому же я не нанимался тащить Кристофа обратно на своем горбу. Если, конечно, он все еще жив.

– Считаешь, ему пришлось туго? – помрачнел колдун.

– Наверняка, – невысокому Миклошу пришлось пригнуться, чтобы пройти под колючей ветвью. – Иначе Основатель бы его сюда никогда не отправил.

Словно в подтверждение этих слов, на дереве, с которым они поравнялись, показалось «украшение» – наполовину утопленный в стволе скелет в обрывках, когда-то бывших белой тогой.

– Кто-то из ваших? – поинтересовался мастер Смерти.

– Да, – неохотно ответил нахтотер. – Один из Десяти Гласов. Жил еще до меня. Когда я был здесь в прошлый раз, его затянуло лишь по голени, и на теле оставалось полно плоти. Время здесь течет гораздо медленнее, чем в реальном мире.

Грэг обратил внимание, что свет стал бледнее, поднял взгляд к небу и сквозь купол переплетенных шипастых ветвей увидел луну.

– Что с ней? – резко спросил кадаверциан.

– А-а-а... заметил, – протянул Миклош, проследив за взглядом спутника и убыстряя шаг. – Скоро сам все поймешь.

– Тебе не кажется, что проще объяснить...

– Проще один раз увидеть.

Луна походила на циферблат часов и «двадцать минут» уже были скрыты тьмой, а ползущая тень подбиралась к «двадцати пяти».

– Что случится, когда произойдет полное затмение?

– Мы будем сидеть тихо, словно мышки, – нервно хохотнул господин Бальза. – И молиться дожить до следующей полной луны. Погаси свою магию. Старайся не пользоваться ею без нужды – это может привлечь к нам ненужное внимание.

Лес стал гуще и еще темнее. Гаснущая луна также не добавляла света, и спутникам приходилось полагаться исключительно на врожденное ночное зрение. Одна из веток вдруг ожила, метнулась к некроманту, но тот пригнулся, и дереву досталась лишь шляпа да резкие, осуждающие вопли попугая. Миклош ударил по агрессору «Серым тленом», заставив того заскрипеть, выпустить добычу и неохотно отшатнуться.

Они вышли к перекрестку, где белая тропа разделялась на четыре узких тропинки, расходящиеся в разных направлениях и исчезающие за темными стволами терновых деревьев.

– Куда теперь? – поинтересовался Грэг.

– Хотел бы я знать, – озадаченно пробормотал Миклош, покачиваясь на носках. – В прошлый раз такого не было – дорога изначально одна.

– Когда был прошлый раз? – некромант следил за неумолимой стрелкой-тенью.

Без девяти двенадцать. От луны осталось всего ничего.

– Больше тысячи лет назад.

– Мог бы и почаще наведываться сюда. Возможно, сады Нахтцеррет не были бы в таком запустении.

– Не учи меня жить! – огрызнулся господин Бальза, занятый рисованием на земле. – Я здесь был всего один раз и до сегодняшнего дня не горел желанием вернуться! Уверен, что разделение дорог – оригинальная шутка Основателя.

– Найди верный путь к Кристофу, – сказал некромант попугаю, и тот, заорав так, что у Миклоша едва не лопнули барабанные перепонки, распахнул крылья и устремился в небо.

– Не думал, что он у тебя еще и ищейка. – Бальза проводил тяжело летящую птицу взглядом.

Грэг пожал плечами, как бы говоря, что птичка полна сюрпризов.

Миклош произнес положенную формулу, увидел, как нарисованные им буквы оплыли, а затем, словно червяки, расплзлись по тропе и сложились в круг. В небо ударил столб бледно-серого света и через несколько секунд погас, превратившись в небольшую округлую клетку.

Бальза прошел сквозь световые прутья, сел на землю, приглашающе похлопал по ней и обратился к спутнику:

– Тебе представляется прекрасная возможность почувствовать себя попугаем. – И, видя, что тот не двигается, добавил: – Поспеш. Времени совсем не осталось.

Как только некромант вошел в клетку, луна погасла, а мир окрасился в темно-синие тона.

– Что это? – Грэг повернулся за разъяснениями.

– О. Так называемое время Садовников. Или ты действительно считал, что за Садами не приглядывают? Когда луна становится черной – они обретают свободу. В эту пору лучший вариант – спрятаться и переждать.

Мастер Смерти мрачно осмотрел синий лес и с наслаждением вытянул ноги:

– Луна еще появится?

– Конечно. Когда придет ее час.

Колдун изучил струящийся из-под земли свет, создающий клетку:

– Защитное заклинание, но не против магии. Скорее от духов. Я прав?

– Тебе ли не знать, что духи порой обретают материальную оболочку? – Миклош закрыл глаза, и повисла томительная тишина.

Минуты сменялись минутами, но ничего интересного не происходило. Бальза делал вид, что медитирует, Грэг спокойно ждал, когда придет пора идти дальше.

Между деревьями мелькнул ярко-голубой силуэт, и некромант подался вперед. Спустя несколько мгновений на тропе появилась полупрозрачная тварь – сквозь нее был прекрасно виден дикий терновник.

Тощее, обтянутое фосфоресцирующей кожей корявое создание, опирающееся при беге на узловатые руки, было покрыто шипами с головы до ног. Особенно много их оказалось на спине и лысом черепе. Круглые белые глаза едва не выскакивали из орбит, губы отсутствовали, из-за чего рот все время улыбался. От взгляда некроманта не укрылись длинные клыки. Лицо неизвестного создания можно было бы назвать человеческим, если бы не страшная маска кровожадного безумия.

Оно пробежало мимо, даже не остановившись, и сгнуло в лесу, словно ночной кошмар

с приходом утра.

– Ну и как тебе? – с живым интересом спросил открывший глаза Миклош.

– Значит, это и есть Садовник, – негромко произнес Грэг.

– Один из них.

– Он похож... – Некромант замолчал, задумался и нахмурился еще сильнее.

– На нас, – господин Бальза издал неприятный смешок. – Очень верно подмечено. Луций как-то сказал, что они любят пить кровь. Но не человеческую, а нашу. Таких блаутзаугеров, как ты и я.

– Кто они такие?

Нахтотер погладил бороду, вздохнул, сменил позу, посмотрел на темное небо:

– Как ты думаешь, что случается с кровными братьями, когда они умирают? Куда уходят их души? В рай?

– Думаю, наоборот. Если бы я верил в бога, то сказал, что нам всем уготовано место в аду.

– Вот он – персональный ад тхорнисхов. – Рыцарь ночи обвел рукой синий мир и страшную стену колючих деревьев. – Сады Боли. Мы не умираем. И не исчезаем. И не уходим в небытие. Наши души становятся Садовниками – вечно ждущими, ищущими, алчущими крови тех из нас, кто еще жив. Поэтому я и рекомендовал тебе забраться в «Слепую клетку». Пока мы здесь, они нас не видят.

– Их можно уничтожить?

Миклош вспомнил синие, полупрозрачные, перекошенные лица, ледящий душу вой и вспышки магии Луция, когда он вместе со своим учеником прорывался обратно, в мир живых.

– Можно. Развоплотить. На время. Беда лишь в том, что как только начинаешь сражаться, на помощь одному прибегают еще десять, и так до бесконечности. Тхорнисхов, знаешь ли, за века умерло достаточно много.

Некромант не ответил, и нахтотер вновь закрыл глаза. Один раз ему послышался какой-то звук – не то скрип, не то стон, но расстояние было столь огромным, что господин Бальза не смог бы поручиться и решил, что ему просто почудилось.

Прошло еще какое-то время... затем с неба прилетел вопль:

– Мистер! Дайте шиллинг!

Попугай парил в высоте, встревоженно крича о том, что кентаберийское вино уже украдено.

Поорав немного, он вновь улетел.

Когда спутникам стало казаться, что они провели в клетке не один день, синий свет стал бледнеть и меркнуть, а затем вовсе погас, и на небе вновь появилась полная луна.

– Отсчет пошел. – Бальза вскочил на ноги и одним движением стер надпись на земле.

– Черт! Черт! Они заходят с зюйд-веста! – Попугай неожиданно рухнул на плечо господина Бальзы так, что тот едва не подпрыгнул. Птица щелкнула клювом у щеки главы клана Золотых Ос и гаркнула:

– Эй! Красо-о-отка!

Нахтотер выругался, сбрасывая с себя наглую мертвечину, Пако обиженно заверещал и перескочил к хозяину, который был более дружелюбен, чем рыцарь ночи.

– Люггер плыл на восток! Байла! Байла!

– Он нашел путь! – Грэг цокнул языком, и его питомец, взмахнув крыльями, полетел над

одной из тропинок.

– Не спешить! – предупредил Миклош. – Направление знаем, ну и ладно. Пошли.

Они вновь углубились в густой лес.

– Нам везет, – по пути сказал господин Бальза, презрительно поджав губы. – На этот раз Садовник был один. Странно. С чего бы это?

– Испугались меня? – рассмеялся некромант.

– Скорее уж твоего попугая. Кто захочет иметь дело с этой болтливой заразой?

– Дискульпе, синьор! Порфабор! Уно шиллинг для маленького Пако!

Тварь носилась между деревьями, махая фиолетовыми крыльями и вопя во все горло.

Валлиец рассмеялся, подозвал птицу и приказал вести себя тихо. Та проворковала нечто ласковое, схватила страшным клювом, способным перекусить толстую металлическую проволоку, мочку уха колдуна. Пожевала и наконец-то заткнулась.

Местность несколько изменилась. Теперь земля была изрыта оплывшими ямами, очень похожими на древние могилы. Они темнели под деревьями среди влажной прелой листвы, наполовину заполненные застоявшейся водой.

– Вивиан был порядком раздосадован, что ты отказался взять его с собой, – сказал Грэг.

– Нужны мне здесь сосунки, – пренебрежительно отозвался нахтототер.

– То есть все эти разговоры о женщинах...

– Правда, мой друг. Иначе вместо тебя была бы Ада или Дона. Или же я бы обошелся помощью Норико.

– Суровая реальность жизни, – улыбнулся некромант. – Бедные женщины, в Сады Боли им путь заказан. Кстати говоря, отчего?

– Черт его знает. Говорят, если рядом женщина, Садовники лезут и днем. Так что слишком велик риск брать с собой спутницу.

Он перепрыгнул через яму, полную тухлой воды, потянул носом воздух и заметил:

– Далеко мы забрались. Как бы назад не пришлось бежать.

Мастер Смерти вместо ответа ловко отшатнулся в сторону, избежав «случайного» движения колючих ветвей. Попугаю пришлось замахать крыльями, чтобы удержать равновесие.

– Тебе не кажется, что деревья относятся ко мне несколько предвзято?

– Разумеется, – надменно изрек Миклош. – Ты ведь не тхорниsx. Чужаков здесь любят даже меньше, чем Золотых Ос.

– Просто удивительно, – пробормотал некромант, вновь посмотрев на луну.

Лес был бесконечным, тропа частенько превращалась в тонкую нитку, и Миклош начал сомневаться, что тупой дохлый попугай правильно указал дорогу. Они спустились в низину, влажную, душную, смрадную, заваленную человеческими останками. Было видно, что кто-то основательно погрыз кости, но на вопрос мастера Смерти, что это за твари, господин Бальза лишь пожал плечами. Ни о каких диких зверях здесь он отродясь не слышал.

Еще дважды луна меняла фазу, наступала темно-синяя ночь, и приходилось скрываться в магической клетке. Первый раз в округе не появилось ни одного Садовника, зато в следующий господин Бальза не успел завершить ритуал, и страшная тварь выскочила из-за деревьев, едва луна погасла.

Миклош, ни на что не обращая внимания, стоял на коленях, скороговоркой твердя формулы, и разбираться с неприкаянной душой пришлось Грэгу.

Он раскрыл ладони в сторону прыгнувшего на него создания, и, когда то оказалось

опутано зеленым шелком так, что уже не могло двигаться, в руках мастера Смерти появился страшный молот. Валлиец в один прыжок оказался рядом с Садовником и мощным ударом раскроил тому череп.

В этот момент с верхних ветвей прыгнула еще одна тварь, метя некроманту в спину. Пако предупредил хозяина воплем, тот развернулся, швырнул в морду врагу зеленое пламя, но это не произвело должного эффекта. Тварь сбила его с ног, и они покатались по земле. Грэг вцепился пальцами в тощую шею зверя, не давая щелкающим челюстям приблизиться к своему лицу.

К счастью, нахтотер закончил создание «клетки» и, оказавшись рядом, хлестнул Садовника кнутом «Тлена», едва не развоплотив попугая. Стащил распадающиеся останки с некроманта, рывком помог ему подняться и буквально втолкнул в безопасный круг.

– В следующий раз тебе стоит быть порасторопнее. – Грэг небрежно отряхнул камзол от прилипших к нему темных листьев.

Пако высказался более резко и витиевато.

– С каждым разом это занимает все больше времени. – Миклош убрал боевой кнут. – Если не найдем Кристофа быстро, придется уйти и повторить попытку через несколько дней, когда здесь все успокоится.

Валлиец словно бы и не услышал этих слов – он смотрел, как тела Садовников превращаются в синий дым, растворяющийся в окружающем мареве. Не прошло и нескольких минут, как пять новых тварей рыскали по окрестностям.

– Очень удобно, что они нас не видят, – заметил Грэг.

– Верно. Но теперь они знают, что мы здесь, и рано или поздно наберутся наглости появиться при луне.

Ответом ему был дикий хохот во мраке...

Слушая шорохи мрачного леса, Миклош нервно ежился и думал о том, что все его пессимистические прогнозы оправдались. Основатель, будь он неладен, засунул колдуна в такую адскую бездну, что вытащить его не смог бы даже Луций в лучшие свои годы. Тупоумный попугай, мозги у которого сгнили несколько сотен лет назад, и тот уже должен был понять, что шансов у спасательной команды с каждой минутой становится все меньше и меньше. Однако чертов Грэг оказался упрямым парнем. Возможно, в иной ситуации Бальза бы над ним посмеялся, но не тогда, когда по округе рыскает табун Садовников, желающих высосать жизнь из нахтотера. Делиться своей кровью с какими-то тварями не входило в его планы.

Миклош не желал превратиться в ужин для мертвых тхорнисхов и уже несколько раз намекнул Грэгу, что пора бы повернуть назад, но колдун словно и не слышал. Его не слишком волновало, что каждая новая клетка давалась Миклошу с все большим трудом.

– Чертов эгоист, – проворчал Бальза себе под нос и сказал громко: – Ты не мог бы накинуть тряпку на башку своему питомцу? У него отвратительный взгляд.

Попугай выкрикнул очередную скабрёзность, Грэг усмехнулся и пожал плечами, словно показывая, что он-то здесь точно ни при чем и Миклошу придется договариваться с Пако самостоятельно. Нахтотер счел, что ему только что дали «зеленый свет», и начал подыскивать подходящее заклинание, чтобы от проклятой твари не осталось даже перьев, но колючий кустарник внезапно привлек его внимание, и господин Бальза остановился, не донеся левую ногу до земли.

– Что-то не так? – тут же спросил Грэг.

– Чувствуешь запах гнили?

– Я чувствую его с тех пор, как здесь оказался, – подтвердил бывший корсар.

– Нет, здесь пахнет по-иному.

– Я не тхорнисх, чтобы специализироваться на нюансах вони.

Миклош зло прищурился и швырнул в кусты «Волну Танатоса». Черные ветки свернулись кольцами, шипы оплавилась, и растения осыпались пеплом.

– Может, ты зря нервничаешь? – спросил кадаверциан, глянув на небо. Круг луны почти не потемнел. – Сейчас вроде как «день».

– Мой нос меня никогда не подводил, – пробормотал господин Бальза, озираясь.

Краем глаза он заметил синий росчерк и, хлопнув в ладоши, соорудил первое, что пришло ему в голову – огромный зонтик с черным, едва прозрачным куполом. Именно на него, словно перезрелые фрукты, с ветвей деревьев градом посыпались Садовники.

Зеленая вспышка сверкнула справа, оглушительно заорал попугай, и можно было догадаться, что атакуют их не только сверху, но и с флангов.

– Удерживай их! – заорал нахтотер, перебрасывая всю свою силу на поверхность зонта и с удовлетворением отмечая, как начинают дымиться и истончаться синие тела.

Но до конца уничтожить их у Бальзы не получилось, лишь ослабить.

– Всем держаться! – гаркнул Пако с неба, и в нахтотера врезалось воющее чудовище.

Миклош, не будь дурак, вцепился пальцами в страшное лицо, разжижая плоть. Тем самым он спас себе жизнь, но потерял контроль над зонтом, и Садовники, прорвавшись через преграду, оказались на земле.

Один упал совсем близко, господин Бальза с чувством злорадной радости пнул его ботинком в морду, сбил закливанием того, что подкрадывался к спине Грэга, развернулся и сломал грудную клетку еще одному.

– В сторону! – рывкнули над ухом.

Миклош проворно отпрыгнул, и зеленая, витая молния зацепила сразу двоих противников. В этот момент нахтотера сбили с ног, и трое Садовников оказались на нем сверху. Молот некроманта сбил одного, господин Бальза смел ударом другого, заорал, ощутив резкую боль укуса в руке, и оторвал твари голову.

В следующее мгновение всю округу залило зеленым пламенем, а когда оно опало, враги лежали мертвыми. Миклош выругался, поднялся на четвереньки, выругался повторно и наконец-то встал на ноги.

– Никого не узнаешь? – Некромант носком порядком перепачканной туфли повернул голову мертвого Садовника.

– Они все на одно лицо. – Миклоша не интересовали превращающиеся в туман мертвые чудовища. – Поверь, я бы не смог узнать среди них даже родного отца.

– Похоже, это женщина, – задумчиво сказал Грэг. – Почему они напали при луне?

– Жажда крови заставляет их вылезать на свет, который делает их намного слабее, но не убивает. – Впрочем, это все неважно. Мы уходим. – Нахтотер был занят тем, что отдирав изодранный рукав от куртки.

Некромант сразу понял, о чем идет речь, и едва заметно покачал головой:

– Извини, Миклош, я остаюсь. Возможно, это принято у вас, но кадаверциан не бросают друг друга в беде.

– Сколько патоки! – скривился господин Бальза, с отвращением отбрасывая в сторону

обслюнявленную тряпку. – Смотри не прилипни, колдун. Ты совсем ослеп, если не видишь, что творится вокруг. Эти твари устроили на нас засаду, и очень грамотную.

– Не вижу повода уходить. Я найду Кристофа. Ты можешь возвращаться.

– Красно-о-отка! – насмешливо протянул сидевший на ветке Пако.

Миклош скривился еще сильнее. Он бы с радостью бросил среди леса тупого упрямца и его идиотскую птицу и забыл об этом уже через несколько часов, но у клана колдунов возникнут вопросы, а ссориться с неожиданными союзниками из-за глупого нетерпения и желания поскорее оказаться дома недальновидно.

– Послушай, – господин Бальза осмотрел две продольные царапины, оставшиеся у него на предплечье от клыков твари. Ранки регенерировали медленно и неохотно. – Я рассчитывал, что Основатель – ленивый ублюдок. Что он открыл переход, вышвырнул вашего дорогого Кристофа и захлопнул дверь. То есть, что мастера Смерти следует искать где-то на границе Садов. Но этот... – Миклош указал пальцем в небо. – Этот чертов телепат, которого стоило убить еще двадцать лет назад, взял его за шкуру и унес, словно кондор цыпленка, дьявол знает куда!

– Тем больше у нас причин отыскать его.

– Между прочим, меня укусила одна из этих тварей. Рана, возможно, заражена и еще неизвестно, чем это кончится. У меня с собой нет эликсиров. Нам надо вернуться.

Валлиец подошел к Миклошу, понюхал кровь на его коже:

– Заражения нет.

С его рук потек зеленый свет, и регенерация ускорилаь.

– Тебе ничего не грозит.

– Скажешь это, когда я умру, – проворчал рыцарь ночи, после схватки больше всего похожий на оборванца.

– Не волнуйся. Если ты умрешь, я тебя оживлю, – совершенно серьезно произнес валлиец.

– Мистер, дайте шиллинг! – Пако висел на ветке вниз головой.

– Кыш! – махнул на попугая рукой порядком раздосадованный сложившейся ситуацией господин Бальза. – Черт с тобой, колдун! Вон за той рощей есть некрополь. Будет символично, если там мы и найдем некроманта.

Но за рощей Кристофа не оказалось. Огромная поляна, со всех сторон окруженная красноватыми шипастыми гигантами с густыми черными кронами, была затянута низким синеватым туманом. Одурающе пахло тухлым мясом, и сонмы мелких насекомых роились в воздухе, сияя ярко-голубым светом, словно волшебные светлячки. Старые мраморные памятники были вырваны из земли и свалены грудой в одну кучу. Их верхняя часть оказалась оплетена тернистым плющом, больше всего напоминающим колючую проволоку.

Грэг вновь отправил попугая на разведку, затем наклонился к самой земле и сказал:

– Это кладбище не настоящее.

– Некрополь. Это называется некрополь, корсар. За несколько тысяч лет до того, как ты в первый раз увидел лодку, людей хоронили в таких местах. Это проекция. Одно из первых мест, где жили тхорнисхи.

– Странные Нахтцеррет выбирает жилища. Некрополь, Вышеград...

– Вышеград был совсем не плох. Никто из вас туда даже не смел соваться.

– Да в общем-то и вы не были частыми гостями на Петринском холме, – усмехнулся Грэг, вставая. Он сделал пару шагов и обратил внимание на вьющихся у лица насекомых: –

Мухи? Почему мухи? Я думал, здесь будут по меньшей мере осы.

– А я рассчитывал встретить парочку блондинок, но жизнь полна разочарований, – ядовитым голосом отозвался Миклош. – Пусти. Я пойду первым.

Он ударил перед собой широкой «Волной Танатоса», и та, распространившись по поляне, уничтожила всех насекомых. Тысячи тысяч прозрачных крылышек упали на съезжившиеся, почерневшие цветы.

– Ненавижу эту гнусь, – пробурчал нахтотер, решительно направляясь вперед.

Лишь половинка луны была темной, недалеко на западе, за безмолвными мертвыми деревьями, раздался едва слышный хохот.

– Садовники не стали ждать своего времени. – Миклош торопливо начал кидать в землю «Зубы дракона». – Мы разворошили гнездо, приятель, и, не скрою, они не прочь отведать нашей крови. Однако я надеюсь пройти яблоневые сады до того, как наступит ночь.

– Не хочется становиться пищей? – Было непонятно, издевается некромант или ему действительно интересно.

– Разумеется, – с достоинством произнес господин Бальза. – Я – высшее существо и не позволю каким-то мертвым обьедкам из череды бывших предков, соратников и друзей, которым не хватило ума выжить, приближаться к моей шее. Что ты делаешь?

– Не ты один умеешь создавать ловушки.

По земле растянулась ярко горящая зеленая паутина. Через несколько секунд она начала медленно остывать и сливаться с туманом, оставив после себя легкий запах аниса.

Спутники покинули старый некрополь, миновали небольшую зловещую рощу и оказались среди деревьев – низких, прижатых к земле нависающей над ними четвертинкой луны. Они сияли неприятной белизной гладких стволов, увенчанных колючими ветвями и серой, пораженной какой-то болезнью листвой. Крупные яблоки оказались черными, непомерно раздутыми, словно их в одночасье поразила гангрена.

Грэг провел рукой рядом с плодом, затем вытер ладонь о камзол и покачал головой:

– Я уже верю, что сказка о Белоснежке была правдой.

Миклош не стал говорить, что ни о каких Белоснежках отродясь не слышал, впрочем, если речь шла о какой-то дуре, сожравшей черное яблоко и оказавшейся в могиле, то небылица правдива. Яда в таком плоде хватит, чтобы убить всю популяцию китов на Земле.

За спиной, из-за деревьев, которые они совсем недавно миновали, раздался вой, в небо ударили сизые лучи – сработали капканы.

– На какое-то время можно не думать о них, – ухмыльнулся господин Бальза, потирая руки.

Они шагали по мертвой, редкой, казавшейся сотканной из мелких частиц праха траве. Яблоневый сад изменился, стал гуще, заброшеннее и страшнее.

– Теперь я понимаю, почему этих существ называли Садовниками. – У Грэга был вид человека, попавшего в интересный музей.

Все деревья вокруг были увешаны останками кровных братьев. Разложившиеся, истлевшие, с оскаленными ртами, блестящими клыками и высохшими лицами, они смотрели мертвыми глазами на тех, кто проходил мимо них, – на живых.

Многих наполовину поглотили древесные стволы, земля, колючий кустарник или дикая лоза. Сквозь тела давно проросли ветки, торчащие между ребрами, словно копья.

Во всем этом проглядывала какая-то система – мертвецы были развешаны не хаотично, но Миклош не стал утруждать себя размышлениями над ненужными подробностями. Лишь

однажды он остановился и подошел к трупу, облаченному в истлевший жилет и брюки начала двадцатого века. Задумчиво взял покойника за рыжую бороду, потянул так, чтобы увидеть высохшее лицо с провалившимся носом и глазами.

– Какая встреча! Спурий! Так вот почему тебя не было вместе с Храньей в Столице! А я все гадал...

– Зачем вы сюда приходите? – Грэг между делом указал господину Бальзе на тонкую полоску света, оставшуюся от луны, и тот стал создавать клетку, одновременно отвечая:

– Власть. Источник силы. Старине Спурию он всегда не давал покоя. Надо думать, подлиза моей сестрицы решил, что с его помощью они одолеют меня гораздо проще. Но, как видишь, идиот нашел свое место среди елочных игрушек Садовников.

Они вошли в клетку. В синей «ночи» десятки тварей рыскали в зарослях, издавая звуки, похожие на рыдания.

– А ты, Миклош, пытался взять эту силу? – Грэг с отстраненным интересом наблюдал, как один из Садовников поправляет потревоженное господином Бальзой тело Спурия.

– Я? Нет. Конечно, соблазн большой, но он не стоит жизни. – Нахттотер поджал ноги. – До источника идти больше суток. Последний, кто там побывал, – учитель моего учителя. Но, как говорил Луций, после этого он не слишком дружил с головой и не прошло года, как выбежал на солнце. Или это его Десять Гласов выпихнули? Уже не помню.

Валлиец усмехнулся, но ничего не сказал.

Когда луна появилась вновь, двое Садовников так и не убрались восвояси – пришлось избавляться от их присутствия, развалив несколько деревьев и обрушив на землю град останков.

Тропа расширилась, яблони сменили терновые деревья.

– Старина! Старина! Прямым курсом! – В небе нарезал круги всеми забытый Пако.

– Недалеко осталось! – оживился Грэг.

– С чего ты взял? – Миклош хмуро смотрел на попугая, опасаясь, что тот на него нагадит.

– Чувствую нашу магию. Там сражение! Идем быстрее!

Он побежал, и в его руках появился зеленый молот. Нахттотер выругался, бросаясь следом и уже заметив, как над деревьями поднимается зеленое зарево.

Им потребовалось не так мало времени, чтобы оказаться на огромном пепелище, раньше бывшем лесом. Многочисленные обугленные пни все еще продолжали дымиться, а в самом центре полыхала зеленая стена пламени, ограждающего мастера Смерти от беснующихся Садовников.

– Ну что же. Не «Клетка», но вполне действенно и оригинально. Она их хотя бы сдерживает, – оценил Миклош, собирая в кулак все свои силы.

– Их здесь сотни! – Глаза Грэга вспыхнули изумрудным огнем.

– Что поделать. – Господин Бальза наблюдал, как бьющие из-за стены молнии уничтожают тварей лишь для того, чтобы те вновь набежали из леса. – Как я уже говорил, кровных братьев моего клана погибло много. Они чувствуют ученика Вольфгера, и даже луна их не пугает. Кажется, сегодня здесь собрались все. Вот почему мы прошли так просто. Прикрывай меня.

Нахттотер двинулся вперед, держа левую руку на рукояти так и неиспользованного Жала. Их заметили, и где-то половина тварей, перепрыгивая через обугленные пни, бросилась к ним – сплошной вал оскаленных пастей и шипастых тел. Миклош взвился в

воздух, приземлился на колени и со всей силой ударил правой рукой по земле.

Раздался оглушительный колокольный звон, и из мрака выскочили пузатые четвероногие тени – гиены. Их было восемь, и, хотя они оказались гораздо меньше той, что рыцарь ночи призывал в свой особняк во время лечения Йохана, в данном случае это ничего не значило. Звери клином влетели в ряды атакующих, отрывая тем конечности и головы, пожирая все, до чего могли дотянуться. Началась свалка, но несколько десятков врагов прорвались к кровным братьям.

– Разберись с ними! – Нахттотер, занятый сражением, перестал обращать внимание на то, что делает Грэг.

Он лишь отмечал вспышки зелени, слышал замогильные вопли, видел, как валяются приближающиеся. Бальза понимал, что главное сейчас – справиться с теми, кто все еще окружает Кристофа. Он давно не занимался массовыми убийствами и теперь с радостью использовал арсенал имеющихся заклятий, бьющих по большим площадям. Нахттотер сек шипастых тварей огромными ножами, давил невидимыми ногами, разрывал на части, заставлял тела взрываться и лопаться, насылал полчища саранчи, хлестал их огнем, тленом и солью, поливал кровавым дождем и осыпал градинами разложения, от которых дымилась земля.

Обрушивая каждое из заклинаний, Миклош представлял, что убивает Хранью, и это добавляло ему сил. Когда в рядах противников появилась широкая просека, он двинулся вперед, прокладывая себе коридор через оставшихся. По бокам их с Грэгом защищали свирепые гиены.

Некромант больше не был ироничен и расслаблен. Мрачный, собранный, безжалостный почитатель Смерти уничтожал всех на своем пути, и с каждым шагом стена зеленого пламени становилась ближе.

Несколько Садовников попытались напасть на них со спины, и господин Бальза, уже связанный одним заклинанием, не стал терять время на второе, а выхватил Жало и отмахнулся им, разрубив тварей точно так же, как когда-то сторонников Храньи.

Страшный вой пронесся над Садами Боли, и над землей, расправив крылья, скользнула огромная черная тень. Тёмный Охотник корсара, не обращая внимания на кровных братьев, вступил в сражение.

Зеленое пламя было холодным, и, как только Миклош с Грэгом оказались рядом, оно расступилось, пропуская их.

Над черной землей все еще летали хлопья пепла. Поляна была завалена головешками, по которым пробегали зеленые искры гаснущей кадаверцианской магии. Кристоф, порядком измотанный сражением, сидел на поваленном древесном стволе. Его ногу охватывала шипастая лоза, не дававшая колдуну возможности встать.

Бальза на ходу развеял ее в труху.

– Ты неплохо продержался здесь один, – кивнул он мастеру Смерти.

– Не ожидал увидеть тебя, Миклош, – отозвался колдун и с помощью Грэга поднялся на ноги.

– Ты все также высокомерен, – обиделся господин Бальза. – А где «как я рад, что ты пришел» и «доброй ночи, нахттотер»? Впрочем, не утруждай себя. Я уже успел понять, что в глубине души ты счастлив меня видеть.

– Вот как? – Колдун приподнял бровь.

– Ну, конечно, – усмехнулся Миклош. – Иначе бы я никогда не покинул трон, который

мне подарила сестренка. Впрочем, поговорить об этом мы можем, когда вернемся. Сейчас следует добраться до преддверия. Ты способен идти или нужно время для того, чтобы залечить раны?

На плечо Грэга спикировал Пако и заорал:

– Пора мотать, р-ребята!

– Твой попугай гений, валлиец, – рассмеялся Миклош. – Он думает точно так же, как и я. Нам надо срочно убираться отсюда.

Глава 4

Расплата

Не «Прости нам грехи наши», а «Покарай нас за беззакония наши» – вот такой должна быть молитва человека справедливейшему богу^[8].

24 апреля

Путешествие в пространство тхорнисхов было коротким и довольно увлекательным. Возвращаясь обратно в реальность из этого весьма любопытного места, Атум почувствовал, что к нему возвращается хорошее настроение.

Хотя основную проблему его маленькая месть по-прежнему не решала, он прибыл в подземелья Амира в самом благодушном расположении духа, которое, однако, едва не оказалось испорчено кислыми минами асиман, при виде его нервно напрягшихся.

Но позже, сидя в удобном кресле в кабинете Амира, Атум не без удовольствия вспоминал многообещающие поцелуи Храньи, искренне обрадованной его возвращением и возмездием, настигшим Кристофа. В камине горел огонь, явно не подчиняющийся законам мироздания, – языки пламени, словно живые, ползали по дровам и обвивались вокруг каминной решетки. Красные драпировки на стенах колыхались, словно между тканью и стеной дул непрерывный поток воздуха.

Асиман работал, полностью погруженный в свои расчеты, почти не обращая внимания на гостя. За последнее время магистр заметно изменился: сильнее ввалились щеки, лицо приобрело нездоровый желтоватый оттенок, нос заострился, а глаза загорелись болезненным маниакальным блеском.

«Похоже, мое присутствие действует на огненный клан разрушительным образом», – подумал Основатель, занятый созданием сложного вещественного заклинания. Бледные прутья «Сети Аида» изгибались, шипя под его пальцами, и поблескивали белым светом.

В подземельях асиман больше не было слышно ни смеха, ни громких разговоров, прекратились все обычные развлечения пироманов. Маги с головой погрузились в работу, она позволяла им не думать о завтрашнем дне.

Столкнувшись сегодня на нижнем уровне с одним из молодых адептов, Основатель с удивлением заметил, как тот в ужасе шарахнулся в сторону. Двое других, беседующих шепотом у дверей лаборатории, замолчали и застыли, ожидая, пока он пройдет мимо. Затем, когда «гость» удалился на несколько шагов, вздохнули с облегчением. Не нужно быть телепатом, чтобы понять – его панически боятся.

– Ты, кажется, говорил, Амир, будто не сообщал никому о том, кто я такой, – с неудовольствием заметил Основатель, наблюдая очередной приступ паники, начавшийся у одного из молодых асиман, внезапно увидевшего «Дарэла» за своим плечом.

– Я ничего не говорил, – безучастно отозвался Амир, глядя, как ученик торопливо сметает в мусорное ведро осколки разбитой колбы. – Но они видят, насколько стало опасно спускаться на нижний уровень. И понимают, что происходит.

– Я же перестал убивать их, – с раздражением произнес Основатель.

– Но никто не знает, когда ты начнешь делать это снова.

Убивать асиман Агум действительно перестал, и у него не было желания вновь заняться «улучшением клана». Во всяком случае, в ближайшее время...

Основатель отвлекся от создания «Сети», снова взглянул на Амира, мысли которого оказались заняты сложнейшими формулами, и усмехнулся:

– Знаешь, у тебя с Дарэлом есть одна общая черта. Вы оба любите солнце.

– Мне нет дела до ничтожных, мелких пристрастий даханавара, – резковато отозвался магистр, поднимая взгляд от своих записей. – Это всего лишь жалкие, сентиментальные слабости.

– Поражаюсь силе твоей воли, – продолжил Основатель, не обращая внимания на его неудовольствие подобным сравнением. – Ты заставил весь клан работать ради своего желания продолжать служение солнечному светилу. Это вызывает уважение.

Асиман промолчал.

– Кстати, я не видел Якоба. Где он?

– Я сам давно его не видел.

Магистр посмотрел прямо в глаза Агума, и тот прочитал в его мыслях нелепое предположение о причастности гостя к исчезновению ученика.

– Что за несуразные догадки, – рассмеялся Основатель. – Я его не трогал. Если твой помощник сбежал, могу лишь принести свои соболезнования. Видимо, он был не настолько предан тебе, как хотел показать. Но не волнуйся, я его найду, едва только у меня появится свободное время... Кстати, – заметил он как бы между прочим, – хочу задать тебе пару вопросов.

Амир слегка напрягся, глядя на Основателя, снова склонившегося над «Сетью».

– Я слушаю.

– Вы нашли убежище ревенанта?

– Да, – ответил магистр, чуть помедлив. – Мои ученики выполнили ваше поручение. Но дом оказался пустым. Они уехали. И мы потеряли их след.

– Но не продолжили поиски?

– Нет, – ответил асиман неохотно.

Агум кивнул, не отрываясь от сложной работы. Он предвидел подобный ответ.

– Почему, позволь узнать?

– Вы исчезли. Мы не могли связаться с вами и подтвердить приказ. И мы подумали, что...

– И вы подумали, что мое недолгое отсутствие освобождает вас от выполнения моих поручений, – мягко произнес Основатель, загибая последнюю спираль. – Значит, девочка до сих пор жива. Это плохо.

– Я немедленно прикажу ученикам возобновить поиск, – откликнулся Амир, но все же не сдержался и позволил себе небольшое замечание: – Хотя я не понимаю, чем может мешать вам неопытная, не слишком умная девчонка.

– Она скоро вырастет и поумнеет, – задумчиво ответил тот, любуясь радужными переливами магического артефакта. – А я не люблю ревенантов. В их способности подавлять магию есть нечто оскорбительное, не находишь?

Амир промолчал, справедливо полагая, что Основатель не собирается говорить ему правду.

Почувствовав приближение Храньи, Агум поднялся из кресла и вышел, не обращая внимания на глухое недовольство магистра. Нахтотерин в отличие от главы асиман

выглядела вполне довольной жизнью. Ее новое красное платье добавляло красок бледному лицу и приятно вписывалось в алые покои пироманов.

– Ты закончил? – спросила она, взглянув на только что сплетенную «Сеть» в руках сообщника.

Агум кивнул в ответ. Он не собирался беседовать с ней в коридоре, поэтому жестом велел следовать за собой.

Глянув на ее светящееся преданностью лицо, Основатель снова невольно вспомнил лояльность, которую был готов проявить Кристоф. Кадаверциан казался также искренен, и к чему это привело... Агум помрачнел на мгновение.

Впрочем, в отличие от некроманта маленькая нахттотерин целиком и полностью зависит от него.

Более того, ее приводила в полный восторг возможность действовать рядом с Основателем. Хранью захватывали открывающиеся перспективы. Она была восхищена, что наконец-то обрела столь мощного покровителя, способного защитить ее и оставшихся в живых сторонников от Миклоша, нашедшего ей достойное пристанище в подземельях асиман. Впереди ей мерещились невероятные победы, свобода и власть.

Сейчас нахттотерин внимательно смотрела на шагающего рядом Агума, готовая оказать любую возможную помощь.

Приведя Хранью в круглую комнату, где любил проводить свободное время Амир, он убедился, что их не услышит никто, кроме пламени, шелестящего в круглом бассейне на полу, и лишь тогда сказал:

– Мне нужно поговорить кое с кем из кадаверциан. Точнее, с Кэтрин.

Светлые глаза Храньи изумленно расширились.

– Но она не обладает магическим потенциалом мастеров Смерти и, кроме того, сумасшедшая.

– Меня тоже считают безумным, – улыбнулся Агум. – И меня не интересует ее магический потенциал. Не волнуйся, мы найдем общий язык.

– Я бы с радостью представила вас друг другу, – осторожно начала нахттотерин, мучительно размышляя, – но сейчас кадаверциан, кроме Кристофа, конечно, – она улыбнулась мельком, – сидят у себя в особняке и не контактируют с внешним миром. Вряд ли Кэтрин захочет со мной общаться.

– Не волнуйся, – довольно улыбнулся Основатель. – Я знаю, как выкурить их из гнезда.

Белый особняк в глубине старого сада казался давно покинутым, пустым. Но Основатель знал, что это обманчивое впечатление. В глубине его чувствовалась жизнь.

Альгерт, сидящий за рулем, нервно поглядывал в окно. От Храньи, устроившейся на заднем сиденье, веяло легкой тревогой и жарким любопытством. Ей хотелось знать, как Основатель справится с семьей кадаверциан – обманом или силой. Но сама нахттотерин не хотела ввязываться в предстоящий бой, если он все-таки произойдет.

– Тебе и не придется, – не оборачиваясь ответил на ее мысли Агум. – Почти все я сделаю сам. От вас потребуются минимальные усилия.

– Я могу спросить? – вкрадчиво произнесла девушка. – Зачем тебе Кэтрин?

– Узнаешь. В свое время.

Теплый ветер робко влетал в открытое окно машины. Синяя ночь переливалась мягкими огнями фонарей и светом фар машин. Мокрые от прошедшего дождя тротуары быстро сохли.

– «Сеть» у тебя? – спросил Основатель ученика Храньи.

Альгерт кивнул.

– Что делать, помните? Отлично. Тогда ждите.

– А если Кэтрин поймет, что происходит? Почувствует? – неуверенно произнесла девушка. – Если станет сопротивляться?

– Не станет, не поймет и не почувствует, – отозвался Основатель.

Он вышел из машины и неторопливым, прогулочным шагом приблизился к ограде. Прислонился к одному из столбов, глядя через решетку на вздрагивающий от сырого ветра весенний сад.

Магическое усилие – и Атуму показалось, что его сознание раздвоилось. Он стоял на улице в тени высокой липы, навалившись на ограду, и одновременно двигался, невидимый и нематериальный, мимо черных древесных стволов, возвышающихся по обеим сторонам дорожки, ведущей к особняку. Остановился возле двери, на которую были наложены мощные охранные заклинания. Помедлил перед ней несколько мгновений, стараясь думать и чувствовать, как кадаверциан. Стать кадаверцианом, бесплотным духом, излучающим эманации смерти... И проскользнул за порог.

Потом спустился по широкой изогнутой лестнице мимо смутно знакомых портретов, висящих на стене, и оказался среди переплетения коридоров, ходов и комнат.

Вокруг ощущались живые тени некромантов, Атум чувствовал их нервозность – они уже знали, о том, что он выбрался с Грани, и торопились как можно быстрее покинуть особняк Вольфгера, справедливо полагая, что в любое мгновение Основатель может нанести им визит. У них было надежное убежище, куда они спешили.

Если бы он промедлил еще немного, то опоздал бы наверняка.

Но кто мог предупредить их?..

Впрочем, этот вопрос можно решить позже.

Атум понял, что теряет тонкую магическую нить своих мыслей, протянутых в особняк Вольфгера, и заставил себя сосредоточиться.

Он *нашел* наконец нечто знакомое. Кэтрин. Одна в маленькой комнате на нижнем этаже. Она была окружена бесплотными призраками своих видений и не воспринимала действительность. Замечательно. То, что нужно. Сознание, замутненное безумием, легче примет обман.

Бесплотный и беззвучный, Атум двинулся дальше.

Еще глубже под землю... Темные нижние этажи, наполненные чем-то вроде магического тумана, просачивающегося из подвалов, где хранились главные сокровища клана Смерти. Мертвые тела – оболочки для вселения потусторонних существ.

Бесконечные ряды саркофагов, излучающих едва заметное призрачное свечение.

Несколько мгновений Основатель стоял среди них, впитывая холодную ауру склепа, собирая магию, и с удовольствием подумал о том, как приятно уничтожать противника его же оружием. А затем сконцентрированная им сила хлынула во все стороны, накрывая мертвые тела и вливая в них его жажду к жизни.

Он не видел, но чувствовал, как его создания зашевелились, оживая, и, подгоняемые волей нового хозяина, устремились вверх. Сейчас их одолевало одно-единственное желание – напасть на прежних владельцев и уничтожить их.

«Посмотрим, как вы справитесь с этим», – пробормотал Основатель. На пару минут его восприятие замутилось, и он мог ощущать лишь бесформенную массу оживленных им существ, стремящихся на верхние уровни. Она излучала жалящую злобу, словно стая

шершней, и голод.

Надо отдать должное некромантам. Они поняли, что в их доме творится неладное, очень быстро и бросились ликвидировать опасность.

Атум ощутил-увидел Дону – бело-изумрудное пламя в подрагивающей, шевелящейся темноте.

– Они не должны прорваться наверх! – услышал он ее крик.

Шипение, зеленые отсветы, нечленораздельные вопли. Холод заклинаний, освобождающих потусторонние сущности... Слепящая магия кого-то из мастеров Смерти опрокинула передние ряды нападающих. Зеленые молнии с электрическим треском пронзали пространство. Хаос... безумие...

– Где Кэтрин? – послышался громкий возглас Ады, гулким эхом отозвавшийся в голове Основателя.

– В безопасности, – откликнулся Анри.

Черно-зеленые уродливые тени метались в полутьме, редкие вспышки освещали оскаленные клыки, белые лица, в которых уже не было ничего человеческого.

Атум мог видеть их глазами и некоторое время наслаждался местью, которую вершил за обман Кристофа. Затем заставил себя вспомнить об истинной цели прихода сюда.

Еще одно усилие, и он открыл портал в комнату Кэтрин. Кадаверциан, слишком занятые усмирением сотен злобных существ, не почувствовали этого – эманации магии Смерти оказались настолько сильны, что на короткое время заглушили вибрацию пространства.

Однако защитные заклинания некромантов, ограждающие помещение, где находилась бэньши, взвыли, готовые разорвать непрошенных гостей. Атум ощутил мгновенное головокружение... и оказался в реальности. Оторванный от всего происходящего в особняке. Но Альгерт и Хранья уже были рядом.

– Давайте, живо! – приказал он и, прежде чем они оба исчезли в распахнутом магическом туннеле, шагнул вперед, открыв второй портал...

Охраняющие от вторжения в особняк заклятия ударили в его тело сотней жгучих стрел, но Атум был готов к этому. Ему показалось, будто он продирается сквозь ледяную и одновременно жгущую завесу. Она лопнула, съежилась, разорванная его магией, и больше не могла причинить вреда тхорнисхам, отправленным за Кэтрин.

...Он стоял под особняком, на краю полуразрушенной лестницы, глядя в зал, освещенный вспышками некромантической магии, тусклым светом, льющим с вершин колонн, и трупным свечением агрессивных созданий.

– Портал! – закричал Филипп, накрывая зеленым облаком сразу десяток тварей, рвущихся к нему.

– Он уже здесь! – откликнулась Дона, еще не видя Атума.

– Нам надо уходить! – Ада, растянувшая магическую сеть вдоль всего коридора, удерживала созданий Атума, пока Франциск и Анри уничтожали их.

– Мне жаль, что все получилось так печально, – произнес Основатель негромко, но его слышали.

Некроманты замерли на мгновение, и даже ожившие твари застыли, словно замороженные голосом своего создателя.

– Я дал бы вам все, чего вы заслуживаете, – продолжил тот. – Власть, почитание, поклонение. Но вы отказались от меня. Я мог бы убить всех вас. Но разве убивают непослушных детей? Рано или поздно вы поймете, как ошибались, и вернетесь ко мне.

Осознаете, что только я могу дать вам все то, в чем вы нуждаетесь. Но пока я вынужден вас наказывать.

Он хотел сказать им, в чем именно будет заключаться его наказание, но в это мгновение учитель Кэтрин почувствовал, что его воспитаннице грозит опасность. Быть может, она позвала на помощь, или Альгерт с Храньей активировали еще какую-то охранную систему в комнате бэньши, и Анри услышал это.

– Он напал на Кэтрин!! – услышал Основатель его громкий вопль.

Некромант бросился на помощь ученице, мощным заклинанием отшвырнув зомби, ринувшихся к нему.

Это досадное вмешательство могло нарушить планы Атума, поэтому он сплел сложное заклинание, в котором было немало разрушительной магии лудэра, и швырнул его в Анри. Тот успел сделать еще один шаг, прежде чем серебристая мерцающая змея сжала его в объятиях, бросила на пол и рассеялась, оставив после себя неподвижное тело, которое медленно рассыпалось сухим пеплом.

Основатель услышал отчаянный крик, заметил краем глаза несколько зеленых всполохов, уклонился от них и швырнул ответное заклятие, угодившее в кого-то из мужчин-некромантов, которого тут же отбросило в сторону, на одну из колонн.

– Уходите! – раздался сзади гулкий мужской голос. – Мы с ним не справимся!

Еще одна вспышка, и Атум вдруг ощутил довольно чувствительный удар в солнечное сплетение. Обернувшись, он увидел старика с белыми слепыми глазами и длинный меч в его руке. Усмехнулся, язвительно подумав, что этому старцу больше подошла бы клюка, как вдруг клинок полыхнул зеленью, изумрудная молния сорвалась с его острия и вонзилась в руку Атума, занесенную для удара.

От внезапной боли на секунду потемнело в глазах. Основатель *потерял* заклинание, которое приготовил для старого Франциска. А тот проворно отскочил в сторону, крутанул меч над головой, и с его лезвия посыпались искры. Они слились в сверкающий круг, который со свистом, заглушившим кровожадное рычание зомби, понесся к Атуму. Однако тот, уже поняв, что имеет дело с непростым противником, успел рассечь смертельный обод серой плетью, в которую вплел немного магии леарджини. Обод взорвался брызгами – те разлетелись по всему залу, и зомби, на которых они попали, медленно осели на пол, лишившись силы, поддерживающей их.

Старик пользовался очень странными заклинаниями, которые, похоже, придумывал на ходу. Но Атум не успел по праву оценить достойного соперника, услышав вопль Тёмного Охотника... двух Охотников.

Основатель с яростью обернулся, почувствовав что-то очень знакомое. Вивиан! Мальчишка, в сознании которого он был заперт так долго. Упрямый, упорный, желающий жить так, как считает правильным сам, не слушающийся мудрого «внутреннего голоса». Атум понял, что сейчас сорвется, и занятный поединок превратится в жестокую бойню. Невидимые клещи обхватили шею одной из потусторонних тварей и зажали крыло другой.

– Хочешь умереть, как твой любимый учитель Кристоф?! – прорычал Основатель. – Хорошо, я убью и тебя!

Он почти не осознавал, что делает, только видел, как упал еще один некромант, но ему тут же помогли встать, как Франциск закрылся новым невероятным заклинанием, название которого еще не придумали, и обрушил колонну, перекрывшую выход оставшимся зомби. Заметил Аду, рвущуюся защитить кого-то из своих раненых друзей, и отшвырнул ее прочь,

словно назойливое насекомое. Кадаверциан не отступали, яростно огрызаясь. А он, не обращая внимания на жгучие заклинания старого некроманта и девушки с серебряными волосами, пытался дотянуться до мальчишки-кадаверциана, который едва стоял на ногах.

Филипп упал, но его тут же закрыл собой Адриан, отбил одну красную молнию и рухнул, пронзенный следующей. Громкий вопль Ады слился с низким гудением лезвий ее посоха:

– Франциск, уходи! Унеси Вивиана! Мы его задержим!

Основатель понял, что они пытаются спасти самого молодого и самого мудрого из них – того, кто сможет воссоздать знания кадаверциан, если остальные погибнут.

– Как предусмотрительно, – со злостью пробормотал он сквозь зубы, чувствуя, что сейчас упустит двух врагов.

– Уходи! – закричала Дона, излучающая почти материальное отчаяние и жгучую жажду убийства. – На Путь Смерти! Франциск, закрой Пещеры, как только войдешь!

– Я тебя не оставлю! – ответил старик, выпуская из ладони зеленую спираль, на миг заслонившую Агуму обзор.

– Иди! Прошу тебя!

Агум рассеял зеленую мглу, швырнул еще одну молнию, разорвавшуюся над головой Ады. Обрушил на Филиппа прозрачную сеть, и она задушила магический свет в его руках. Обернулась невидимой змеей вокруг некроманта, вздернула к потолку и бросила под ноги Агума уже неподвижное тело.

Не ведающая страха и боли Ада вновь бросилась на Основателя, но длинный посох вдруг взорвался белыми искрами в ее руках. Ослепительное пламя упало на девушку, окутало с ног до головы, а затем выпустило и оставило лежать на полу.

Дона осталась одна.

Она была прекрасна, так же как и «Тень Смерти» за ее плечом. Изумрудно-серебряная молния с развевающимися волосами. Воплощение отчаяния и мести. Агум забыл на мгновение о своем бешенстве, любуясь ею. Даже подпустил ближе, чтобы видеть, как горят глаза вилисссы, а ярость делает ее лицо еще более привлекательным. Ее заполняло единственное желание – убить Основателя. За Кристофа. За всех своих братьев и сестер.

Агум рассмеялся и небрежно отбросил в сторону кого-то из слуг вилисссы, бросившегося ей на помощь. Он мог бы не причинять ей вреда, но не сумел избежать искушения откликнуться на ее собственное потаенное желание умереть.

Серый дымчатый меч вонзился в грудь Доны, и тут же лицо девушки стало пепельно-серым, бескровным, лишенным всей красоты. Основателя перекосило от внезапного отвращения, вызванного этим преобразованием, и он поспешил отшвырнуть вилисссу прочь. Она упала среди трупов и застыла неподвижно, похожая на сухой лист, сорванный с дерева ураганом.

Агум понял, что не хочет даже приближаться к ней, не желает видеть лицо, такое красивое прежде, а теперь обезображенное смертью.

Он огляделся. Вивиан и Франциск исчезли. Это было плохо, и особенно плохо тем, что он не мог преследовать их. Пещеры Смерти – часть мира кадаверциан – были для него закрыты, так же как и остальные миры кровных братьев. Обладая объединенной силой всех кланов, Агум не мог всецело слиться с одной магией, совпадающей вибрациями с единственным нужным пространством, чтобы открыть туда путь – это была его плата за могущество.

Но теперь у него была Кэтрин.

Проводник.

Когда Основатель вышел из особняка, Хранья и Альгерт ждали его уже с нетерпением. Один, сидящий на месте водителя, нервно барабанил пальцами по рулю. Другая, рядом с ним, то и дело оглядывалась. Но самое главное – неподвижная и бесчувственная Кэтрин, надежно связанная мощным парализующим заклинанием «Сеть Аида», лежала на заднем сиденье машины.

– Они не будут нас преследовать? – спросила взволнованная нахтотерин, едва Агум оказался в салоне, и тут же обеспокоенно нахмурилась, глядя в его бледное потное лицо. – С тобой все нормально?

– Да, – равнодушно отозвался Основатель, не желая говорить о том, сколько сил отняло у него проникновение в резиденцию кадаверциан и нападение на них. – Все отлично. – Он бережно приподнял бэньши, опустил ее голову к себе на плечо, погладил по растрепанным волосам. – И не бойтесь погони. Ее не будет.

– Почему? – сухо осведомился Альгерт, заводя машину.

– Некому преследовать, – усмехнулся тот.

– Ты всех их убил? – с легким недоверием произнесла Хранья.

Агум сделал вид, будто не слышит ее вопроса.

Едва джип остановился возле дома пироманов, Альгерт вышел из машины и поспешил открыть дверь перед Основателем, желая, чтобы тот как можно скорее вошел в здание.

– Ты в своем уме?! – воскликнул Амир, едва увидев Агума с драгоценной ношей на руках. – Кого ты притащил?! Да за ней сейчас все некроманты примчатся! Нам теперь еще с ними сражаться?!

– Успокойся, – небрежно бросил тот, подождав, пока Хранья распахнет перед ним дверь, ведущую в коридор. – Они обнаружат ее пропажу еще очень не скоро. А теперь, будь добр, освободи весь нижний уровень. Мне нужны тишина и покой.

В его комнате все осталось по-прежнему. Пусть магистр и надеялся, что опасный гость не вернется, он побоялся менять здесь хоть что-то. Основатель бережно положил парализованную Кэтрин на кушетку. Сел рядом, убрал волосы с ее лица.

Эту женщину было опасно обращать, ее вообще не стоило держать в клане. Видения, преследовавшие бэньши, могли сыграть с ней злую шутку. Она не видела врагов, продолжая блуждать в мире своих грез, она даже не смогла почувствовать постороннего проникновения в свою комнату.

Агум протянул руку и осторожно прикоснулся ко лбу ученицы Анри. Спустя мгновение та открыла глаза, обвела взглядом комнату, потом посмотрела на Основателя. Не удивилась, не испугалась. В ее прозрачных глазах не отражалось ничего, словно они были слепы.

– Здравствуй, Кэтрин, – мягко произнес он.

Она не ответила, и он не мог понять, кем видится ей сейчас.

– Ты узнаешь меня?

– Да, – отозвалась она почти беззвучно, и ее молодое привлекательное лицо превратилось в маску безобразной старухи. – Я знала, что ты придешь за мной. Вольфгер говорил об этом...

Агум смотрел на нее и с невольным содроганием видел, как она меняется, становясь то юной, то старой. Словно волны времени пробежали по ее телу, искажая его.

– Я видела много смертей, и свою тоже. Вольфгер предупреждал... говорил, что я должна помочь тебе.

– И ты поможешь мне? – тихо спросил Агум, взяв предсказательницу за тонкую руку.

Она не ответила, но он видел, как в Кэтрин идет жестокая внутренняя борьба. Молодая прекрасная кадаверцианка, страшась смерти и страстно желающая жить, пыталась справиться с безумной старой пророчицей, готовой покориться древней силе. И Агум уже знал, что произойдет при победе каждой из них.

– Нет! – воскликнула Кэтрин, яростно сверкнув глазами, засветившимися яркой зеленью. – Я не буду тебе помогать! Из-за тебя погиб Вольфгер! Ты убил Кристофа! Ты убил Анри! Ты – чудовище!

Основатель устало вздохнул, глядя на молодую женщину, с отвращением отшатнувшуюся от него. Кроме отчаяния и гнева, в ней чувствовался еще и страх перед неизбежным. Она знала, что не сможет долго сопротивляться ни ему, ни своей внутренней сути.

– Сейчас это не имеет значения, – по-прежнему доброжелательно произнес Агум. – Мне нужна твоя помощь, и я очень хочу, чтобы ты сделала это по своей воле.

Он продолжал говорить и видел, что Кэтрин не понимает смысла его слов, хотя на нее действовал голос Основателя. Он протянул руку, желая прикоснуться к ней, но в зрачках женщины вновь плеснула опасная зелень. Кэтрин вскочила, и ладонь Агума пронзила острая боль.

Внезапная вспышка некромантической магии в самом центре резиденции Амира должна была всколыхнуть все это асиманское гнездо. И, прежде чем ударить бэньши, Основатель представил на миг, как беспокойно забегали потревоженные пироманы.

Даханаварская магия, усиленная мощью Агума, швырнула женщину на пол.

– Я бы не хотел причинять тебе боль. И я совсем не хочу заставлять тебя, – пока еще мягко произнес Основатель, хотя его уже начинало раздражать бессмысленное сопротивление кадаверциан. Он поразмыслил и добавил, глядя на Кэтрин, начинающую медленно приходить в себя: – Но, к сожалению, видимо, придется. Если бы ты знала, как это утомительно...

Глава 5

Под защитой смерти

Самопожертвование следовало бы запретить законом. Оно разрушает тех, кому приносят жертву. Они всегда сбиваются с пути^[9].

25 апреля

Окровавленная одежда источала острую вонь мира нахтцеррет и едва заметное серое свечение – остатки трухи одного из ядовитых деревьев, растущих на земле тхорнисхов.

Уход из личного пространства Золотых Ос был больше похож на бегство. Разъяренные Садовники преследовали нежданных гостей до самой границы, не желая отпустить, не попробовав их крови.

– Не понимаю, как нам вообще удалось выжить, – словно в ответ на свои мысли услышал Кристоф голос Миклоша, сидящего на переднем сиденье рядом с Рэйлен. – Как вы уже поняли, наш мир – не самое лучшее место для прогулок.

– Полностью с тобой согласен, – хрипло отозвался Грэг. – Зато теперь мне стала лучше понятна сущность тхорнисхов. Вы просто не можете быть другими, обладая подобным личным пространством.

Попугай валлийца, сидящий на его плече, издал скрежещущий звук, явно соглашаясь со своим хозяином. Бальза хмыкнул что-то нечленораздельное.

Ученица нахтотера терпеливо ждала, когда он вернется из своего опасного путешествия, и появление Миклоша в сопровождении потрепанных, раненых кадаверциан было встречено искренней радостью.

– Скажи, как ему удалось забросить тебя в Сады Боли? – задал наконец тхорнисх вопрос, интересующий его больше всего.

– С помощью Храньи, – отозвался Кристоф.

Миклош обменялся выразительным взглядом с Рэйлен и уставился в окно.

– Этой гадине мало, что она отравляет своим существованием этот мир, так она еще и в тот забралась... – пробормотал он достаточно внятно.

– Мне нужно позвонить. – Мастер Смерти, похоже, не собирался вдаваться в подробности своего пленения и закрыл тему.

Тхорнисх выразительно посмотрел на девушку, сидящую за рулем, и та после секундного колебания подала ему свой телефон. Миклош небрежно перебрросил его колдуну.

Пока тот набирал все известные ему номера кадаверциан, Бальза мрачно наблюдал за ним.

– Не отвечают? – тихо спросил Грэг.

Его попугай вытащил голову из-под крыла и уставился на колдуна мутным глазом.

Кристоф отрицательно покачал головой.

– Я должен срочно попасть в особняк Вольфгера, – сказал он, возвращая трубку.

– Беспокоишься за свой клан? – равнодушно осведомился нахтотер. – Надо было делать это раньше, когда ты решил связаться с безумными детьми. Рэйлен...

Девушка бросила на господина преданный взгляд.

– Поедешь, куда он сказал, – велел тхорнисх. – Я выйду здесь. А ты позвонишь Норико. Пусть вместе с Альехо заберут меня. Когда закончишь, увидимся в Северной резиденции.

Она удивленно моргнула.

– Но нахттотер...

– Не спорь, – устало произнес тот, уже понимая, что именно беспокоит ученицу. – Со мной будут Норико и Альехо. А ты сообщишь мне о том, что видела.

Девушка не спрашивала, куда ехать, только настороженно поглядывала по сторонам, крепко сжав губы.

– Я могу задать вопрос? – произнесла она неожиданно, не отрывая взгляда от дороги, чтобы посмотреть на колдуна, севшего рядом.

– Можешь, – ответил он.

– Почему вы не убили меня тогда?

Колдун вспомнил о давней встрече с Миклошем и его ученицей. Тогда нахттотер посчитал очень забавным натравить девчонку на некроманта и посмотреть, что из этого получится. Значит, Рэйлен до сих пор мучил этот вопрос.

– Потому что ты рыжая, – ответил Кристоф и был вознагражден за свою искренность быстрым взглядом, полным изумления: – Если бы ты была блондинкой или брюнеткой, у тебя не было бы ни единого шанса. Но рыжие волосы – моя слабость.

Девушка засопела сердито, решив, что над ней подшучивают.

Они проехали в молчании еще пару кварталов, когда она снова заговорила:

– Нахттотер говорил, у вас был план, как уничтожить Основателя. Но теперь он на свободе. И что мы будем делать?

Кристоф сам хотел бы знать ответ и не мог сказать девушке ничего утешительного.

– Придумывать новый план.

Рэйлен кивнула и больше не задавала вопросов.

За несколько переулков от особняка Вольфгера колдун велел ей остановить машину. Дальше они пошли пешком.

Дом за кованой оградой в окружении старых лип казался погруженным в безмятежный сон. Но едва кадаверциан приблизились к нему, как тут же почувствовали, что все защитные заклинания сорваны. Их обрывки жалко висели на дверных и оконных проемах, словно ключья старой паутины.

Грэг жестом попросил спутников остановиться, снял с плеча попугая и пересадил его на ветку ближайшего дерева. Птица пронзительно крикнула, неодобрительно покосилась на Рэйлен и застыла, став похожей на уродливый нарост. А корсар взглянул на Кристофа, дождался утвердительно кивка, что-то тихо пробормотал себе под нос, крепко сжал кулак, приподнял руку, словно натягивая невидимый поводок, а когда разжал ладонь, на земле стояло нематериальное существо, отсвечивающее зеленью. Тощая собака, похожая на гончую, прыгнула вперед и растаяла, пройдя сквозь стену.

Заинтригованная Рэйлен перевела взгляд с одного некроманта на другого, но ни о чем не спросила. Глаза Грэга засветились зеленым. Несколько мгновений он стоял неподвижно, осматривая комнаты особняка глазами своей магической ищейки.

– Ничего враждебного, – сказал он наконец отрывисто.

Мэтр коротко кивнул, больше ни о чем не спрашивая.

Колдуны бесшумно поднялись на крыльцо, Рэйлен осторожной кошкой кралась следом

за ними. Дверь не была заперта и распахнулась от легкого толчка. В темноте вестибюля слабо серебрились полотнища флагов, свисающие с галереи. На мраморном полу лежали длинные полосы рассеянного света, льющегося из окон.

Кристоф шагнул внутрь, и на миг ему показалось, что от магии, разлитой здесь не так давно, воздух особняка стал густым, словно сироп. Пахло анисом, холодом и старой смертью. В доме не было слышно ни звука.

Заглушив тревогу, некромант знаком велел Рэйлен оставаться в вестибюле. Девчонка кивнула, окинула зал внимательным взглядом и отступила в тень, крепко сжимая обеими руками укороченную дымчатую алебарду.

Лестница исчезала в плотной темноте нижнего уровня, Кристоф медленно спускался. Грэг следовал в шаге от него. Внизу было еще холоднее, дыхание вырвалось изо рта белым облаком и на миг застыло в воздухе. Кадаверциан прошел еще один пролет и увидел впереди первый труп. За ним лежал второй, чуть дальше третий... Одеждой им всем служила грубая холстина с зеленоватыми следами «ихора», в котором кадаверциан хранили мертвые человеческие тела.

Мастер Смерти поспешил дальше.

Трупов стало больше, но все они были безликим рабочим материалом. Среди них Кристоф не видел никого из тех, кого боялся увидеть мертвыми. Здесь же застыла «гончая» Грэга, словно не решаясь шагнуть по мертвецам. Валлиец уничтожил ее движением руки.

Плавно изгибающийся коридор вывел некроманта в просторный зал с высоким куполом свода. Мягкий свет, льющийся с вершин коринфских колонн, освещал чудовищную картину. Пол был завален белыми неподвижными телами, все еще испускающими зеленоватое мерцание.

Лестница в конце помещения обрушилась, на стенах виднелись глубокие трещины. Обломок колонны лежал на полу среди мертвых, продолжая излучать жемчужное сияние. Запах аниса висел в воздухе, смешиваясь с едва уловимым запахом мокрого камня и тления.

Кристоф сделал еще несколько шагов и увидел их.

Адриан с сожженной грудной клеткой раскинулся недалеко от стены, на его уродливом лице застыла гримаса ярости. В скорчившемся неподалеку изломанном мужском теле можно было лишь с большим трудом узнать Филиппа... Тонкая женская фигура, почерневшая от огня, сжимала посох с двумя широкими лезвиями, покрытыми слоем ржавчины, на прядях русых волос запеклась кровь...

Кристоф почувствовал движение за спиной, обернулся и увидел Рэйлен. Она медленно шла от одного тела к другому и с тревожным вниманием напряженно вглядывалась в лица кадаверциан. Вскинула голову, смутилась.

– Простите, я... А Вивиан? Его здесь нет?

Колдун ничего не ответил. И она прошептала, невольно отступая под его взглядом:

– Я знала его. Встречала однажды. Давно.

Но Кристоф уже не слушал ее, ему показалось, он различил тихий звук... как будто скулила собака. Он быстро пошел вперед, перешагивая через человеческие трупы.

В стену было вплавлено еще одно тело. На этот раз живое. С бескровно-бледного лица блеснули желтые глаза, беззвучно шевельнулись искусанные губы.

Бетайлас дернулся, пытаясь освободиться. Его взгляд был направлен за спину Кристофа. Мастер Смерти обернулся. На полу среди мертвых тел белели серебряные волосы... тонкая рука, на пальцах которой поблескивали кольца с бриллиантами. Один разбит, осколки

сверкают на черном закрытом платье.

– Дона...

Кристоф опустился на колени перед телом, распростертым на каменных плитах. Взял за плечо, переворачивая. За спиной повеяло теплым воздухом и запахом гнили, послышался глухой удар, и рядом с колдуном оказался Босхет, освобожденный заклинанием Рэйлен.

– Мэтр, – прохрипел он, – простите... не смог защитить... вилисса...

Ее лицо было иссохшим, словно у старухи, пергаментная кожа туго натянулась на скулах, собралась глубокими морщинами у губ. Волосы стали похожи на ключья соломы.

– Он... поднял все мертвые тела, – говорил Босхет, вытирая лоб рукавом драной куртки. – А потом появился сам... Они пытались его остановить, но он стал убивать. Они ничего не смогли сделать.

– Где Вивиан? Фринциск? Кэтрин? Анри?

Босхет не успел ответить.

По мертвому подземелью пробежала легкая дрожь воздуха, некромант услышал негромкий хлопок, отголосок далекого эха и хрипловатый голос:

– Анри мертв. Кэтрин он забрал с собой.

Мастер Смерти обернулся и увидел Франциска.

Старый кадаверциан медленно шел по залу, огибая мертвые тела, приблизился, молча сжал плечо Кристофа, отпустил, перевел взгляд слепых глаз на Босхета, сидящего рядом с Доной, и направился к нему, обойдя Грэга и застывшую Рэйлен. Девушка отступила в сторону, глядя на Франциска почти с ужасом, и тут же, видимо почувствовав, что ее присутствие здесь неуместно, торопливо вышла из зала.

Спустя несколько мгновений, из пустоты, наполненной зелеными искрами, появился Вивиан. Его одежда была в засохшей крови, на белом лице явственно проступали несколько медленно затягивающихся шрамов и напряженное ожидание.

Увидев Крису, он замер, и за несколько секунд в его глазах промелькнули, сменяя друг друга, недоверие, удивление и наконец бешеная радость.

Не глядя по сторонам, Вивиан быстро подошел к колдуну:

– Основатель сказал, что убил тебя.

– Основатель солгал. Как всегда.

Кристоф продолжал смотреть на серебряные волосы Доны, и не мог отвести взгляд. Вивиан перевел взгляд на мертвую вилиссу, и отражение чувств Кристофа исказило и его лицо.

– Поможешь мне? – спросил колдун, и ученик кивнул, сразу поняв, о чем он просит.

Саркофаги стояли на самом нижнем этаже, в просторной светлой комнате, залитой ярким, как будто солнечным, светом. Из ниш, прорубленных в потолке, текли золотистые лучи, и невесомые пылинки сверкали, взмывая в воздух с каменных плит от малейшего дуновения ветра. Пол устилал изумрудный ковер, похожий на густую траву, на стенах зеленел плющ, нарисованный так искусно, что казался настоящим. Пахло свежестью, первым снегом, мокрым деревом.

Каменные гробы, стоящие в два ровных ряда, напоминали серые валуны, грубо отшлифованные сверху.

«Сэмюэл Кадаверциан», – прочел Вивиан на первой плите и почувствовал вдруг, как сжимается его горло, не давая вздохнуть.

Он перевел взгляд на другую, но там было выбито «Вольфгер Кадаверциан», и стало еще

хуже. Горе сменилось жгучей ненавистью, неутолимой и от этого еще более мучительной. Естественно, тела внутри быть не могло. Ведь мэтра не нашли.

«Если бы не ты, ничего этого не случилось бы», – подумал Вивиан, глядя на буквы в камне...

Аду опустили в третий гроб. Кристоф коснулся ее волос, произнес что-то едва слышно, задвинул тяжелую крышку, а сверху опустил боевой посох стигнессы. Рядом с ученицей, в соседний саркофаг, положили Адриана. Следующая плита со скрежетом задвинулась над Филиппом.

Хуже всего Вивиану было слышать этот звук и видеть, как серые камни навсегда скрывают лица его друзей. Понимать, что он жив лишь потому, что они – более сильные, талантливые, опытные – пожертвовали собой ради него, молодого ученика. И никогда не узнают, как он благодарен им.

Пепел Анри в глубокой черной чаше принес Франциск. Молча подал ее Кристофу, молча развернулся и пошел к выходу. Вивиан ждал, чтобы кто-то из них произнес хоть слово, нарушив невыносимую тишину и скрежет камня о камень. Однако кадаверциан молчали, двигаясь почти беззвучно.

И молодой некромант тоже молчал, помогая учителю закрывать саркофаги. Но когда Кристоф остановился возле гроба, в который опустили Дону, это молчание стало совершенно невыносимым. А колдун все смотрел на вилиссу, словно не мог поверить... Вивиан понял, что его учитель пытается почувствовать жизнь в неподвижном теле, но знал, что это бесполезно: Основатель умел не просто разрушать тела кровных братьев, он каким-то образом выжигал их сущности, даже не оставляя ран.

– Она жива, – произнес вдруг Кристоф глухо.

– Что? – Молодой кадаверциан обернулся.

– Она не может умереть. Ее обратил Вольфгер, а не я. Значит, на ней нет моего проклятия. И ее всегда защищает сама Смерть.

Вивиан не понял его слов, но колдун уже вынимал девушку из саркофага. Положил на ковер, прокусил свое запястье и прижал окровавленную руку к ее рту.

Босхет, не решившийся войти в склеп и маявшийся у двери, мгновенно сообразил, что произошло, а может, почуял проблеск жизни вилиссы и бросился к колдуну.

– ...Она... С ней все будет в порядке? – Бетайлас жадно смотрел на Дону, превратившуюся в бледную тень прежней прекрасной мистрис, и странно было слышать беспокойство за жизнь от некротического существа.

– Думаю, да, – ответил кадаверциан. – Она очнется. Надо отнести ее в Северную резиденцию. Нам всем надо уйти туда. Сейчас это единственное безопасное место в городе.

Глава 6

Северная резиденция

Время наших дней слишком тяжело для того, чтобы человек мог нести его в одиночестве^[10].

27 апреля

В огромной спальне на верхнем этаже Северной резиденции горел камин. Но его жар не мог прогнать сырость, впитавшуюся в каменные стены. В щели между рамами дул промозглый ветер – от сквозняка покачивались ветхие занавеси на окнах, и чуть колебался пыльный полог над массивным деревянным ложем. Постель тоже была ледяной.

Кристоф сидел на полу у кровати, держа в своих ладонях холодную руку Доны. Девушка не спала, ее широко открытые глаза блестели в темноте. Очень медленно и постепенно к вилиссе возвращались силы, и лицо ее становилось прежним – молодым и красивым.

– Зачем ты осталась? – спросил колдун, глядя в синие глаза.

– Он сказал, что убил тебя, – прошептала она едва слышно и отвернулась.

– Дона...

Вилисса повернула голову.

– Помнишь, ты говорила, что все, кто мне дорог, умирают?

Она утвердительно опустила веки.

– Прошу тебя, не стремись к тому, чтобы это стало правдой.

Она слабо улыбнулась, принимая скрытый упрек, а затем крепко сжала его ладонь, и Кристоф понял: девушка хочет спросить о чем-то.

– Что с Кэтрин? – почти беззвучно произнесли бледные губы.

– Основатель забрал ее, и мы не знаем, где они сейчас... Но предполагаем, для чего она нужна ему.

Холодные пальцы вилиссы сильнее стиснули руку колдуна, и она произнесла с видимым трудом, но уже чуть громче:

– То, от чего отказался ты...

Кристоф утвердительно наклонил голову:

– Атум нуждается в некроманте, который проведет его в наш мир. Он просил у меня помощи в уничтожении гин-чи-най, а я отказал ему. Теперь попытается добиться содействия Кэтрин силой. Или попробует обмануть.

– Она будет сопротивляться. – В голосе Доны прозвучала горечь.

– Но в конце концов сломается. И как только это произойдет, мы сразу же узнаем.

Дона знала, что случится, когда разрушится преграда между пространством кадаверциан и реальностью, понимала, что избежать этого вряд ли возможно. Однако все же спросила:

– Мы можем что-нибудь сделать? Хотя бы попытаться найти Кэтрин? Помочь ей?

Кристоф выпустил руку вилиссы, поднялся и сказал:

– Мы попытаемся помочь ей, когда она и Основатель окажутся в мире некромантов. В этой реальности мы бессильны перед ним. Так что пока остается только ждать. – Он наклонился и поцеловал девушку в лоб. – Отдыхай. Я зайду к тебе позже.

Она кивнула, закрывая глаза.

Колдун вышел из комнаты, прикрыл за собой дверь и снова ощутил, как со всех сторон сначала незаметно, а затем все сильнее и настойчивее его начинают обтекать волны чужой силы. Даханавар, вьесчи, яркий проблеск лугата, в первый миг кажущийся незнакомым, фэриартос, нахтцеррет... А если как следует погрузиться в переплетение эманаций, излучаемых кровными братьями, можно почувствовать и одного из стаи вриколакосов, и единственный жгучий огонь асимана.

Северная резиденция стала убежищем для всех. Последний выпад Основателя, направленный на кадаверциан, окончательно дал понять вампирам, что пришло время скрываться и больше нельзя надеяться на свое могущество. Оно перестало быть безграничным.

К счастью, замок действительно оказался огромен – шесть этажей над землей, внушительные подземные галереи, переходы и пещеры... Полутемные коридоры с высокими потолками выводили в огромные залы, каменные стены которых были завешаны старинными гобеленами или украшены странными многофигурными барельефами. Кое-где стояла величественная и неудобная мебель из черного дерева – кресла с высокими спинками, резные скамьи и высокие шкафы с вычурными башенками по бокам.

Жилые помещения, правда, выглядели не самыми уютными – сырость, клочья паутины и застоявшийся запах запустения не создавали ощущения роскоши. В широких пастях каминов лежал мусор, хрустальные люстры потускнели от грязи, от постелей при неловком прикосновении взлетали облака пыли. Некоторые комнаты привели в порядок, но в них тоже все еще чувствовалась холодная затхлость.

Впрочем, большинство кровных братьев надеялись, что неудобства, вызванные соседством с другими семьями, временные, и после изгнания Основателя они смогут вернуться в свои прежние резиденции.

Чтобы спуститься по лестнице, Кристоф вышел в холл и, кроме Лориана, терпеливо ожидавшего вестей о самочувствии вилиссы, увидел Миклоша, с удобством расположившегося в кресле у камина. Можно было предположить, что нахтотера также интересовало здоровье Доны, хотя он и делал вид, будто всего лишь решил погреться у огня. Но что самое удивительное – неподалеку от тхорнисха сидела Паула с открытым блокнотом на коленях и что-то сосредоточенно рисовала. Она подняла голову, почувствовав приближение кадаверциана, рассеянно улыбнулась ему и снова погрузилась в работу.

Лориан тоже приподнялся навстречу мастеру Смерти, но не успел задать ни одного вопроса.

– Доброй ночи, Крис, – сказал Бальза, отрываясь от книги, которую увлеченно читал, и изрек с глубокомысленным видом: – Крепко же тебя зацепило.

Некромант молча взглянул на него, ожидая продолжения.

– Прекрасная женщина, к тому же блондинка, одна в спальне, явно нуждается в твоём обществе. А ты расхаживаешь здесь... Все еще не можешь забыть Флору? – с участливым видом поинтересовался он.

– Также, как ты не можешь забыть Хранью, – невозмутимо отозвался кадаверциан.

– Можно попросить тебя выразиться яснее? – потребовал Миклош, захлопнув книгу.

– Ты по-прежнему любишь ее. А она – тебя. Но все, касающееся нахтцеррет, приобретает извращенные формы. Даже любовь. Поэтому как бы вы ни пытались перегрызть друг другу горло, оба скучаете. И каждый из вас чувствует себя одиноко без другого.

– Что за чушь ты несешь! – нервно рассмеялся Миклош. – Я, безусловно, понимаю, что

все кадаверциан помешаны на родственных отношениях, но не надо приплетать к этому меня.

Мастер Смерти промолчал, а тхорнисх, сообразив, что не стоит дальше распространяться о родственных чувствах кадаверциан, сменил тему:

– Похоже, наши доблестные даханавар потеряли Витторию. Фелиция не говорила тебе, где она может скрываться?

– В убежище ревенанта, – пожал плечами Паула, не поднимая взгляда от рисунка. – Это древнее укрепление в центре Рима...

– Я знаю, что представляет из себя убежище ревенанта, – нетерпеливо перебил ее Миклош. – Его строили тхорнисхи.

– Его строили фэриартос, – заметила фэри, тщательно заштриховывая часть изображения, – а тхорнисхи всего лишь нас охраняли.

– Я пытался позвонить ей, – сказал Лориан, вопросительно глядя на Кристофа. – Но телефон уже давно вне зоны доступа.

Нахтотер пожал плечами, выражая таким образом сомнение в ценности подобного сообщения. А Паула вдруг с треском выдрала лист из блокнота, скомкала его и бросила в огонь.

– Нет, Миклош, ничего не получится, – сказала она устало. – Я не могу создать настолько сильное искажение, чтобы оно избавило тебя от влияния вашего кинжала.

– Ты смогла навести проклятие на Йохана, – хмуро отозвался нахтотер, окончательно теряя интерес к вопросу о поисках ревенанта. – И оно было таким сильным, что я даже не почувствовал его.

– Жало – очень мощный артефакт, – возразила девушка. – Боюсь, никто из фэриартос не сможет помочь тебе.

– Скорее не захочет, – буркнул тхорнисх. – А ты у меня в долгу. Кто спас тебя от Основателя, вытащив из «Лунной крепости»? Так что продолжай трудиться.

Кристоф вдруг подумал, что скорее всего Бальза и не надеялся на избавление от воздействия. Но ему доставляло удовольствие тиранить Паулу, заставляя ее работать на себя.

Девушка вновь попыталась протестовать, а мастер Смерти кивнул Лориану, не слушая их препирательств, и жестом велел следовать за собой.

– Тебя хотела видеть Фелиция, – сказал он подростку.

– Зачем? – тут же спросил тот.

– Какой-то важный разговор, – уклончиво отозвался кадаверциан.

В конце коридора он отодвинул одну из резных деревянных панелей на стене, за которой открылась слабо освещенная лестница, ведущая вниз. Грязь и паутина, скопившиеся здесь за долгие годы существования замка, уже были убраны, но фрески на стенах казались лишь едва заметными тусклыми пятнами.

– Как Дона? – задал наконец вопрос шагающий следом за колдуном Лориан.

– Ей лучше.

Лестница вывела их в узкий коридор с фальшивыми окнами на обеих стенах. Пейзажи, написанные на камне в оконных проемах, закрытых решетками, изображали бескрайние поля пшеницы с живописными одиночными деревьями, освещенными мягким солнцем. Казалось, с этих картин веет ароматом теплого летнего дня.

– Вы правда не можете найти Витторию? – спросил юноша.

– Пока нет, – ответил тот, открывая новую дверь в конце коридора.

За ней был еще один зал. Длинный, мрачный, с высоким сводчатым потолком, освещенный одним-единственным факелом в самом дальнем конце этого помещения.

– А есть какие-то предположения, где она скрывается? – Лориан огляделся, пытаясь увидеть что-нибудь в полумраке, но толком ничего не смог разглядеть, кроме высокой статуи женщины в длинном одеянии, вырезанной из черного камня.

– Люди, работающие на даханавар, проверили все известные убежища ревенанта, но ни в одном из них Виттории нет, – сказал Кристоф.

– Значит, есть еще и неизвестные убежища, – предположил подросток и резко оглянулся. Ему почудилось какое-то шевеление у стены, но оказалось, что это колышет сквозняком обрывок ткани, свисающий с карниза.

– Здесь нет привидений, – улыбнулся колдун, заметив настороженность спутника. – А если и были, то ушли. Я принес сюда Крест Основателя, и он отпугнул все потусторонние сущности.

Коридор закончился дверью, открыв которую спутники оказались в верхней части галереи, опоясывающей огромный зал с высоким, уходящим вверх на несколько этажей потолком. Здесь находились апартаменты даханавар.

Кристоф пропустил Лориана вперед, закрыл дверь, ведущую в тайный ход, и, обернувшись, увидел девочку лет двенадцати. Она прогуливалась по перилам, ограждающим галерею, не боясь сорваться и упасть. Шла грациозно, словно балерина, балансируя широко разведенными руками. Золотистые волосы, завязанные в два хвостика, подпрыгивали над ее тонкими плечами, платье, похожее на опрокинутый венчик цветка, покачивалось над худыми коленками.

Колдун сразу узнал одну из лигаментиа. У них имелось свое надежное убежище в городе – фактически часть собственного мира, но эти странные дети любили появляться в Северной резиденции. Он слегка подтолкнул застывшего Лориана, с удивлением смотрящего на девочку, и тот пошел дальше, стараясь держаться рядом с мастером Смерти.

Лигаментиа дошла до конца галереи, изящно развернулась и наконец увидела непрошенных свидетелей своих акробатических упражнений. Сначала она удивленно распахнула огромные голубые глаза, потом вдруг злобно прищурилась, пригнулась, словно рассерженная кошка, и даже явственно зашипела, а ее лицо дрогнуло, начиная меняться.

Кадаверциан, предчувствуя не опасную, но неприятную выходку, машинально прикрыл глаза Лориана ладонью, и в тот же миг увидел, как милая мордашка девочки превратилась в мертвую оскаленную гримасу смерти.

Подросток тряхнул головой, уклоняясь от руки некроманта, и пробормотал:

– Да, ладно, Крис, я же не маленький. – Взглянул на лигаментиа и поспешил отвернуться.

Пройдя мимо злобной твари, только что бывшей милым созданием, он спросил тихо:

– Как думаешь, что это с ней?

– Наверное, недовольна, что мы ей помешали, – ответил Кристоф, решив не акцентировать лишней раз внимание подростка на известном факте, что дети из клана Иллюзий терпеть не могут кадаверциан.

Лориан в ответ промолчал, оставив при себе свои выводы.

Мастер Смерти открыл еще одну дверь, и тут же оба почувствовали, как их окатило легкой, звенящей волной силы даханавар.

– Вы знаете, кто у вас там под дверью разгуливает? – дружески кивнув, доверительно

спросил подросток Констанс, уже спешащую навстречу.

– Знаю, – ответила ирландка с улыбкой. – Это что-то вроде добровольной охраны...

Идемте, Фелиция ждет.

Первая леди была в библиотеке. Лориан думал, что Кристоф, проводив его, оставит их наедине для важного разговора, но колдун не спешил уходить. Он отошел к дальнему шкафу и стал рассматривать корешки толстых фолиантов.

Когда подросток познакомился с Фелицией, то думал, что она очень старая, несмотря на внешнюю молодость. Он невольно вспоминал свой давний поход с Кристофом, Вивом и Сэмом в подземелья асиман – тогда он впервые увидел Эрнесто и также был потрясен ощущением древности его возраста.

Но потом леди улыбнулась, и подросток забыл о прожитых ею тысячелетиях...

И сейчас Фелиция смотрела на него с такой же доброжелательной улыбкой.

– Я хочу поговорить с тобой, Лориан, – произнесла она мелодичным мягким голосом и жестом попросила человека занять место на диване, стоящем в нише у стены, а сама опустилась в кресло напротив.

Леди выглядела утомленной и встревоженной, хотя явно старалась не показывать этого. Но Лориан очень хорошо чувствовал ее нервозность.

– Фелиция, вы не волнуйтесь, – сказал он, прекрасно понимая, чем вызвано ее беспокойство. – Думаю, все получится. Мы спасем Дарэла.

Мормолика посмотрела на собеседника с величайшей надеждой.

– Ты думаешь, он еще жив?

– Я уверен.

– Что ж, полагаю, тебе можно верить. – Она улыбнулась неожиданно нежно, и подросток понял, что она имеет в виду его пока еще не реализованный дар телепата.

Еще несколько мгновений гречанка смотрела на Лориана удивительными мерцающими глазами, а затем произнесла:

– Я могла бы не говорить тебе ничего, но особенность некоторых областей магии даханавар – это полная осведомленность человека обо всем происходящем и искреннее желание сотрудничать. Никаких недоговоренностей. Никаких сомнений. Ты должен знать, на что идешь и почему. Поэтому я расскажу. – Она коснулась своего тяжелого кованого ожерелья и продолжила очень напряженно: – Над тобой проводили Витдикту. Ритуал превращения вампира обратно в человека.

– Вампира?! – глухо переспросил он, на миг ощутив нехватку воздуха.

– Да, – спокойно подтвердила Фелиция, словно не замечая, как изменился в лице собеседник. – Тебя обратили. Чтобы отомстить и причинить боль Дарэлу. Но он не хотел подобной участи для тебя.

– Но этого не может быть!.. Я человек. Если бы я был вампиром, то... – Он запнулся, пытаясь сообразить, как доказать Фелиции и себе самому невозможность ее слов, оглянулся на Кристофа, не принимающего участия в разговоре. – Во мне бы изменилось что-то. Но я никогда не чувствовал в себе никаких изменений. Я остался прежним.

Леди сочувственно кивнула и подтвердила:

– Ты остался прежним. Витдикта вернула твою человеческую суть.

– Когда это произошло?

– Не так давно, – уклончиво отозвалась Фелиция.

– Я ничего не помню... Почему Дарэл не сказал мне?

– Не хотел пугать, – ответил кадаверциан, поворачиваясь.

– Но почему *никто* ничего не сказал мне?.. Крис? – Лориан перевел взгляд с колдуна на Фелицию и снова на колдуна.

– Дарэл не хотел, чтобы ты знал, – успокаивающе произнесла мормолика, и мерцание ее глаз стало еще более завораживающим. – Он не мог отказаться от общения с тобой. Не желал, чтобы ты стал его врагом. Он рисковал жизнью... жизнями всех нас, чтобы спасти тебя. – Голос ее звучал мягко, проникновенно, убеждающе. – Витдикта – смертельно опасный ритуал, но Дарэл заставил провести его, чтобы вернуть тебя к человеческой жизни.

Лориан молчал, глядя на золотой орнамент старинного географического атласа, лежащего на соседнем столике.

– И кто... обратил меня? – спросил он наконец, чувствуя неприятную сухость во рту.

– Асиман, – резко отозвался мастер Смерти.

– Ну конечно. Кто же еще! – язвительно сказал подросток, испытывая облегчение от того, что можно направить свою злость на пироманов и не сердиться на скрытного телепата, а также на всех кадаверциан и Фелицию. – Но вы зря думаете, что они хотели отомстить только Дарэлу. Меня они тоже ненавидели. Ведь я выгнал Дара из их подземелий прямо у них под носом, и они не смогли убить его.

Мормолика неопределенно покачала головой, то ли сомневаясь в его словах, то ли одобряя его догадливость, и продолжила:

– Именно поэтому Основатель не смог причинить тебе вреда. Он боялся Витдикты, тень которой по-прежнему касается тебя. И именно по этой причине ты необходим нам. Чтобы спасти Дарэла, мы должны извлечь из него дух Основателя и поместить его в надежное хранилище.

– Да, я знаю, – кивнул Лориан, но не успел сказать мормоликае, что Кристоф уже рассказал ему об этом, потому что ей удалось поразить его вновь:

– И это хранилище ты.

– То есть как – я? – тупо переспросил он, чувствуя, что скорость появления ошеломительных новостей явно превышает его способность осмыслить их.

– Переживший Витдикту – единственное, что может стать надежной тюрьмой для Основателя, – мягко пояснила Фелиция, а в ее глазах зажглось сочувствие и еще что-то такое, чему потрясенный подросток не знал названия. – Если он будет переселен в тебя, то больше никогда не сумеет вырваться... Ведь ты человек.

Последнее она произнесла с неожиданным уважением.

Леди говорила что-то еще, объясняла, успокаивала, но Лориан уже почти не слушал ее.

Сначала он испытал острый страх – позволить вселить в себя чужое опасное существо казалось невозможным. Разделить с ним свою душу, мысли, чувства. Стоило лишь представить хоть что-то подобное, как тут же бросало в дрожь.

И в то же время он осознал вдруг, что неожиданно оказался сильнее могущественных вампиров.

«Они не могут без меня обойтись, – замелькали в его голове обрывочные мысли. – Впервые оказалось, что они не могут справиться без человека...»

– Ты не будешь ни слышать, ни чувствовать его, – продолжила внимательно наблюдающая за ним Фелиция. – Он не сможет говорить с тобой и подавлять твою волю, связанный силой Витдикты. Ты спасешь Дарэла и очень многих людей... – Она замолчала, как будто не решаясь сообщить последнюю, самую важную деталь.

И Лориан помог ей:

– Но...? Договаривайте. Должен быть какой-то минус.

– Ты проживешь свою короткую человеческую жизнь, а затем умрешь.

Сначала подросток хотел рассмеяться. То, о чем говорила Фелиция, грозило каждому человеку. Но потом вдруг понял. Леди очень хорошо разбиралась в людях, и она поняла то, что, возможно, сам он про себя еще до конца не осознал.

– Из тебя мог бы получиться великолепный телепат, – грустно улыбнулась мормолика. – Но даже если мы не проведем над тобой ритуал Большого круга, ты все равно не сможешь войти в нашу семью... ни в одну из семей кровных братьев. Человека, над которым свершилась Витдикта, нельзя обратить вторично.

Лориан снова уставился на атлас, чтобы не видеть ее печальных прекрасных глаз. С обложки на него таранилась глупая рыба с хвостом, засунутым в рот, а вокруг тянулись очертания неведомых материков...

Он слишком долго общался с вампирами, слишком привык к их миру, постепенно начиная считать его своим. Не собирался становиться таким, как они, но иногда мог представлять, как здорово было бы стать бессмертным. Всего лишь фантазии...

Если бы Фелиция не сказала о том, что его нельзя обратить, еще долгие годы Лориан жил бы, думая, что может выбирать между судьбой человека и вампира. Но теперь...

Мормолика не напугала его, не огорчила. Она просто отняла у него свободу выбора.

– Спасибо, что... спасибо за правду, – сказал он наконец и посмотрел на леди. Ее красивое лицо было спокойным, словно она заранее знала, какое решение примет человек и как именно отреагирует на ее слова.

– Мне очень жаль, Лориан, – произнесла она сочувственно.

– Да не о чем жалеть, – ответил подросток, наверное, не слишком учтиво. – Я никогда не хотел становиться вампиром.

Фелиция поднялась из кресла, еще раз нежно кивнула Лориану, проходя мимо Кристофа, слегка коснулась рукой его плеча и, мягко шелестя своим жемчужным струящимся одеянием, вышла из библиотеки.

Подросток взял атлас, положил к себе на колени и стал машинально перелистывать страницы. Кристоф не мешал ему, ничего не говорил и ни о чем не спрашивал, прекрасно понимая, что тому надо подумать.

О себе самом.

Пожалуй, впервые за очень долгое время его оставили в покое, предоставив возможность размышлять обо всем произошедшем. Из обычного смертного он вдруг превратился в очень важную персону. Но он никогда не станет таким, как Дарэл, Кристоф, Паула, Рамон. Он останется человеком.

С одной стороны это радовало, с другой... Лориан вдруг осознал до конца, как странно жить рядом с бессмертными и знать, что умрешь. Как страшно знать, что обречен умереть. А они все будут жить дальше. Все его друзья... и враги тоже.

Он очнулся от размышлений, провел ладонью по лбу и вдруг заметил, с каким пристальным вниманием смотрит на него Кристоф, занявший место Фелиции в кресле.

– Что? – спросил подросток.

Колдун выразительно показал взглядом ему за спину:

– К тебе пришли.

Человек обернулся и увидел стоящего в дверях вампира, одетого в красно-черную

мантию. Его надменное лицо было знакомо подростку.

«Якоб Асиман, – вспомнил Лориан. – Давний недоброжелатель Дарэла».

– Прошу меня извинить, – с преувеличенным почтением произнес ученик Амира, – не возражаешь, если я отвлеку тебя ненадолго?

Подросток с неприязнью смотрел на вампира. Это был тот, кого сейчас он меньше всего хотел видеть.

– Для чего? – спросил он довольно агрессивно.

– Нужно решить некоторые вопросы, касающиеся твоей подготовки к предстоящему ритуалу, – объяснил Якоб, мельком взглянув на некроманта и явно не реагируя на враждебность человека.

– А почему эти вопросы должен решать ты, а не Кристоф или Фелиция? – продолжил допрос Лориан, слыша в своем голосе прямо-таки прокурорские нотки.

– Потому что уважаемые кадаверциан решили доверить это дело мне. – Асиман перевел взгляд на мастера Смерти и со всей возможной почтительностью поклонился ему, но подростку на миг стало не по себе при виде отблесков пламени, горящего в глазах Якоба. – Они великие специалисты по работе с мертвой материей, но не хотят рисковать драгоценным здоровьем живого экземпляра. Леди даханавар, конечно, весьма искусна в психическом воздействии, но вряд ли ее способности помогут тебе во время ритуала, когда от мощнейшей магии твоя кожа начнет ссыхаться, лопнут барабанные перепонки и станут трескаться кости.

Якоб с удовольствием пронаблюдал, как изменилось выражение лица собеседника, и осведомился сладчайшим тоном:

– Надеюсь, мы закончили с вопросами на сегодня?

– Ладно, – поборов неприятнейшие ощущения, вызванные красочным описанием садиста-асимана, Лориан выбрался из кресла. – Я пойду, но только при условии, что эта подготовка будет происходить в присутствии свидетелей.

– Не доверяешь мне? – хищно улыбнулся Якоб.

– Не доверяю. – Подросток заметил одобрительную улыбку, скользнувшую по лицу Кристофа, и понял, что тот поддерживает его жесткую манеру ведения беседы.

– Твое право, – Асиман как будто потерял интерес к разговору и спросил равнодушно: – И кто будет удостоен чести наблюдателя?

– Я, – ответил колдун, глядя на Якоба с нескрываемой неприязнью.

– И Словен Вриколакос, – добавил Лориан, вместе с кадаверцианом выходя из комнаты следом за пироманом. – Он, конечно, не телепат, но, если мне будет угрожать опасность, сможет почувствовать это.

– Не болтай ерунду, мальчик, – устало ответил Якоб, откидывая рукав длинной средневековой мантии, чтобы посмотреть на современные швейцарские часы. – Мне нет резона вредить тебе. Сейчас мы все в одной лодке. Каждый хочет спастись и ради этого готов пожертвовать некоторыми принципами.

Кристоф усмехнулся, выражая сомнение в существовании у асиман вообще каких-либо принципов. А Лориан подумал о том, как странно, что один из пироманов, не так давно хотевших навредить, теперь пытается защитить его.

Они спустились на один этаж.

Якоб открыл половинку высокой двухстворчатой двери в конце коридора, пропуская человека вперед. Пожалуй, это помещение было одним из самых чистых в замке. В ярко

освещенной просторной комнате стояло несколько кресел, пара белых металлических столов, заставленных приборами. Этажерки с пробирками и колбами в подставках. Шкафчики, забитые какими-то медикаментами. А в углу, среди этого стерильного царства, диковато смотрелся золотой треножник, чаша которого была заполнена потухшими углями.

Лориан уже насмотрелся на лабораторию Кристофа, но там все было устроено для работы с мертвыми телами, здесь же явно собирались экспериментировать с живым.

Пока подросток оглядывался, Якоб подошел к столу с пробирками и стал там что-то передвигать, негромко позвякивая стеклом. Кристоф встал так, чтобы было удобно наблюдать за ним. Но асиман казался настолько увлеченным своим делом, что будто бы не замечал его пристального внимания и даже не оглянулся, когда в комнату ввалился слегка востроенный Словен.

Оборотень многозначительно повел носом, быстро обежал взглядом лабораторию, скривился в спину асиману, чуть нахмурился, увидев некроманта, и дружески кивнул Лориану.

– Какие-то проблемы? – спросил он, усаживаясь в кресло.

– Не возникнет никаких, если вы не будете мне мешать, – высокомерно отозвался Якоб не оборачиваясь.

Оборотень состроил насмешливо-пренебрежительную гримасу, глядя на него, и подмигнул Лориану. Значит, все было в порядке.

– Подойди сюда, – велел асиман и указал на стул напротив себя. – Сядь.

Подросток послушался, но сразу же спросил:

– Что вы собираетесь делать?

– Постараюсь усилить твой иммунитет к энергиям высокой частоты. Тому, что ты понимаешь как магию, – ответил Якоб, усаживаясь на второй стул и ставя перед собой подставку с пробирками.

– Как именно? – вновь уточнил Лориан.

Было видно, что асимана раздражает дотошность пациента, но по каким-то причинам он не может приказать ему замолчать.

– Это сложная формула, – сказал он сухо и велел: – Закатай рукав, положи руку на стол.

– Что за формула? – не спеша выполнять его просьбу, спросил подросток.

– Во время так называемой Вампирической эпидемии ее использовали люди, чтобы хоть как-то сравняться по силе с вампирами. Стать менее восприимчивыми к их воздействию и более выносливыми. А теперь, будь добр, закатай рукав.

– И им это удалось? – спросил Лориан с неожиданным для себя самого любопытством.

– Что именно? – рассеянно отозвался Якоб, занятый своими приготовлениями.

– Сравниться по силе с вампирами?

– Некоторым удалось.

– А откуда они взяли эту секретную формулу?

Асиман с раздражением взглянул на подростка, покосился на Кристофа и отчеканил:

– В данный момент это не имеет никакого значения. А теперь мы можем наконец заняться делом или у тебя есть еще вопросы?

– Только один. Вы уверены, что ваше... как оно там называется, не повредит мне?

– Уверен. Я тщательно рассчитал дозу, – с легким сарказмом ответил асиман и признал нехотя: – К тому же ты не обычный человек.

Лориан хмыкнул. Оглянулся на Кристофа. Тот выглядел по-прежнему невозмутимым.

Тогда подросток перевел взгляд на Словена. Вриколакос улыбнулся успокаивающе, и подросток не слишком охотно, но все же поднял рукав свитера, укладывая руку на плотный резиновый коврик, который асиман поместил на столе.

– Мне нужно немного твоей крови, – сказал Якоб явно для того, чтобы избежать лишних расспросов.

Оборотень снова не показал, что ощущает какую-либо опасность для человека, и подросток нехотя кивнул.

Асиман действовал как профессиональный врач или медбрат. Игла вошла в вену почти без боли. «Натренировался за долгую жизнь, ставя опыты над людьми», – с неприязнью подумал Лориан.

Когда в шприц потекла кровь, Якоб нахмурился, мельком взглянул на Словена. А оборотень подался вперед, и ноздри его дрогнули:

– Вот теперь это чувствуется, – пробормотал он, и его глаза засветились.

– Что? – буркнул Лориан, морщась.

– Витдикта, – отозвался Кристоф. – Ее сила в твоей крови.

Асиман вынул иглу, прижал к крошечной ранке вату, намоченную в спирте.

– Ты знаешь, кто из асиман обратил меня? – прямо спросил человек, пристально глядя на мага.

Но ожидаемой реакции на этот внезапный, провокационный, как казалось подростку, вопрос не увидел.

– Понятия не имею, – спокойно ответил пироман, смешивая кровь с какой-то прозрачной жидкостью. – Это была интрига Эрнесто. Подробности меня не интересовали.

«Даже если и знает, не скажет», – понял Лориан и решил заговорить о другом.

– Не понимаю, зачем тебе помогать Дарэлу.

Словен выразительно фыркнул, но ничего не сказал.

– До даханавара мне нет никакого дела. – Якоб поднял на уровень глаз пробирку и уставился критическим взглядом на получившуюся смесь. – А вот Основатель мешает.

– И чем же он тебе мешает? – скептически осведомился Кристоф.

– Не люблю силу, которая так явно превышает мою, – кратко ответил асиман.

В ожидании инъекции у Лориана пропало желание задавать новые вопросы. Он невольно напрягся в предчувствии боли, головокружения, галлюцинаций или еще каких-нибудь неприятных последствий.

– Все нормально, – успокаивающе произнес Словен, безошибочно угадав его опасения. – Ты ничего не почувствуешь.

И оборотень оказался прав. Средство для невосприимчивости магии не вызвало ни бреда, ни эйфории. На миг Лориан почувствовал даже легкое разочарование.

– Все? – спросил он, с сомнением глядя на Якоба, методично убирающего со стола. – Теперь я смогу спокойно пережить Большой круг?

– Действие сыворотки вступит в полную силу через пару дней и будет держаться в твоей крови несколько месяцев, – Асиман неожиданно усмехнулся и повернулся к Лориану. – Кстати, по поводу твоего несостоявшегося обращения. Я бы на твоём месте испытывал благодарность к Огненному клану.

– Да ну? – Подросток прищурился, глядя на мага, видимо решившего поиздеваться напоследок. – С чего бы это?

– Если бы мы не обратили тебя, не появилось бы причин проводить над тобой Витдикту.

И у Дарэла не стало такого великолепного шанса на спасение. Если он, конечно, действительно жив.

– А я думаю по-другому, – заявил Лориан, мельком взглянув на ухмыляющегося Словена. – Если бы Дарэл был такой же высокомерной сволочью, трясущейся за свою жизнь, как многие из вас, он никогда бы не настоял на ритуале. И сейчас у вампиров не оказалось бы ни малейшего шанса на спасение от Основателя. Так что, когда Дарэл снова будет с нами, я передам ему твою благодарность.

Глава 7

Убежище Ревенанта

Только два типа людей по-настоящему интересны – те, кто знает о жизни решительно все, и те, кто о ней решительно ничего не знает^[11].

30 апреля

Двери были заперты. Окна плотно закрыты. Сигнализация включена. На открытом пространстве перед домом не мог бы спрятаться ни один человек. Или не человек.

Со стороны фьорда к усадьбе можно было подобраться на катере, но водная гладь отлично просматривалась. Деревья вокруг постройки давно вырубил. А по отвесным скалам, возвышающимся метрах в пятистах от здания, не смогло бы спуститься ни одно живое существо.

Ричарду говорили, что они, так же как и вся территория вокруг убежища Корвинусов, защищены надежными магическими ловушками, которые установили в глубокой древности предки современных ревенантов, полностью лишив вампиров возможности проникнуть сюда. И, насколько знал телохранитель Корвинуса, киндрэт даже не предполагали о существовании подобной зоны на севере. Да и что им было здесь делать в почти безлюдных, холодных, неприветливых фьордах.

Однако Ричард не мог полностью доверять магии. Это было нечто из разряда сверхъестественного, а он все-таки продолжал оставаться человеком. Самым надежным защитником всегда оставалось солнце. Но, к сожалению, на земле не существовало места, где оно светило бы круглосуточно.

Здесь огненный шар не уходил с неба неделями. Скользил над горизонтом и не спешил скрываться за ним. Правда, после положенного полярного дня наступала такая же долгая полярная ночь. Но ее можно переждать в другом месте. Не менее надежном.

Со стороны здание, стоящее в центре безопасной зоны, выглядело как обычная одноэтажная усадьба. Стены выкрашены белой краской, черная черепица на крыше в серых разводах лишайника. На огромных высоких окнах – короткие занавески, на подоконниках – цветочные горшки с алой геранью.

Но мало кто знал, что скрывается под домом. Ричарду было известно, что это здание выстроено на развалинах древнего убежища, которое стояло здесь еще пару тысяч лет назад. От него остались подземные ходы, выводящие на поверхность за несколько километров от постройки, и таинственные знаки, выбитые на камнях подвала.

Дорога, ведущая к гаражу, была засыпана гравием. Зеленая лужайка аккуратно подстрижена. Причал для катера, судя по свежим деревянным доскам, недавно отремонтирован.

Ричард, заметив все эти детали, с удовлетворением понял, что за домом продолжают присматривать.

Диана и Виттория не обратили внимания на подобные мелочи. Они слишком устали от долгого бегства. Убежище в Риме было похоже на склеп и королевский дворец одновременно. Быть может, в пятнадцатом веке огромные каменные залы и продуваемые всеми ветрами

коридоры были вершиной роскоши и удобства, но теперь там стало не слишком уютно. Тем более Ричард все время чувствовал себя так, словно лежал на столе патологоанатома, а над ним уже занесен скальпель. Ощущение постоянной слезки не давало покоя, и телохранитель ревенанта был не уверен, что за ним наблюдают глаза друзей.

Беглецы задержались в Риме всего на пару дней, а затем исчезли. Самолет, машина, паром, снова машина, уже другая, еще один перелет.

Несколько стран, поддельные паспорта, поддельные имена. Они изображали семейную пару с дочерью-подростком, путешествующую по миру. Пару дней в одном городе, пару в другом, проездом в третьем. И в какой-то миг Ричард наконец понял, что больше не чувствует взгляда, сверлящего спину. Кто бы ни следил за ними – люди или вампиры, – их потеряли из виду.

Теперь они скрывались здесь. Ричарда это вполне устраивало. Диану тоже. Недовольной оставалась одна Виттория.

– Ни интернета, ни телефона, – говорила она раздраженно в первый день приезда, обходя небольшой уютный дом из шести комнат. – Ни радио, ни телевизора, сотовый ты забрала. Я полностью отрезана от цивилизованного мира!

– Здесь много книг, – примирительно сказала Диана, поправляя в круглой стеклянной вазе букет искусственных тюльпанов. – Можно гулять. В нижней части дома тренажерный зал. Сауна.

– Сидеть в подвале и читать старье? Вот спасибо! – недовольно буркнула Виттория, отворачиваясь к окну, за которым тускло отсвечивала свинцом зеркальная водная поверхность.

– Я достану телевизор, – сказал Ричард, увидев в отражении стекла, как на лице девушки появилось выражение сильнейшего отвращения.

– Спасибо, – с искренним теплом отозвалась Виттория. – Хоть кто-то меня понимает. Диана одарила его ледяным неодобрительным взглядом, но вслух не осудила за поддержку дочери.

– Что ты собираешься узнавать о мире, позволь спросить? – осведомилась она с некоторым неудовольствием.

– Я должна быть в курсе того, что происходит в Столице! – заявила юная ревенант, не оборачиваясь.

– Там не происходит ничего, что касалось бы тебя.

В голосе вдовы господина Белова слышались ледяные интонации, хорошо знакомые Ричарду. Судя по отражению в стекле, Виттория в ответ упрямо выпятила подбородок, становясь удивительно похожей на своего отца.

– Я ревенант, мама! Я должна жить там, где пребывает большинство представителей кланов. А я торчу здесь! – Она обвела ненавидящим взглядом гостиную, обставленную светлой удобной мебелью, стены с деревянными панно и картинами на тему скандинавских легенд, тяжелые чугунные подсвечники и шкуры северных оленей. Покачала головой, словно не веря, что могла позволить увезти себя в такую глушь. – Но если я не могу быть в Столице, то должна хотя бы знать, что там происходит.

– Прежде всего ты моя дочь, – ответила Диана, выслушавшая слова Виттории с невозмутимым спокойствием. – И я хочу уберечь тебя. Ради спасения твоей жизни мы покинули Столицу. – Она помолчала, глядя на упрямо опущенный затылок девушки, и добавила: – Сына я уже потеряла.

Юная ревенант стремительно обернулась. На ее бледных щеках появились два красных пятна – признак тихого бешенства.

– Мама, Валентин стал лугатом! Это огромная честь! Я горжусь им!

– Гордишься тем, что твой брат стал чудовищем?! – воскликнула Диана с болью.

– Я такое же чудовище, как и он, – высокомерно отозвалась Виттория, – и такое же, как мой отец. – Она развернулась и вышла из комнаты.

Ее мать без сил опустилась на диван.

– Ты слышишь, что она говорит? После того как Филипп умер... – Женщина запнулась, вновь переживая свое горе.

Ричард сел рядом с ней.

– Виттория – ревенант, Диана. Она не совсем человек. Ты все время об этом забываешь.

Женщина покачала головой, явно не желая слышать его:

– Ты должен защищать ее, а не потакать всем ее прихотям!

– Я много лет работал с отцом Витты. Я знаю, что не причинит ей вреда. А что точно навредит.

– И что же ей навредит?

– Невозможность исполнять свой долг.

Диана поднялась, подошла к тому же окну, возле которого совсем недавно стояла ее дочь. Скрестила руки на груди. Ее стройная фигура в узкой серой юбке и свитере такого же цвета казалась отражением пасмурного дня за стеклом. Она была бы точно такой же, как этот тусклый северный день, если бы не золотистые, светящиеся волосы. Стянутые в строгую, элегантную прическу, они все равно пытались выбиться из нее, своевольно курчавились у висков и падали на шею пушистыми завитками.

– Ты думаешь, что понимаешь ее лучше меня? – спросила женщина.

– Она другая, не такая, как мы с тобой.

– Я всегда хотела, чтобы мои дети выросли достойными людьми. Но одна из них все дальше отдалается от меня. А второй...

Диана осеклась. Телохранитель увидел, как напряглись ее плечи.

Она не знала, за кого выходит замуж. Естественно, в нормальном мире никто не знал о существовании вампиров, живущих рядом. А когда правда открылась, ничего изменить уже было невозможно. Ее дети и она сама стали принадлежать ночному миру. И ей пришлось придумать своеобразную защиту для себя, делая вид, что вампиров не существует. Хотя это не слишком помогало.

– Диана, послушай. – Он подошел к ней, обнял за плечи. – Я знаю, о чем ты думаешь, что чувствуешь. Мне тоже не хватает Филиппа. Но теперь я отвечаю за Витторию. Если ты не будешь игнорировать ее дар, я постараюсь воспитать из нее ревенанта.

– Она была бы счастлива, – бесцветным голосом ответила женщина, наблюдая за серой стеной дождя, приближающейся со стороны фьорда.

– Дело не в ее счастье. Вернее не только в нем. Она все равно не сможет жить обычной жизнью. А если ты будешь упорно сопротивляться, не давая ей выполнять свой долг, добьешься только того, что она тебя возненавидит и вычеркнет из своей жизни.

Ричард понимал: Диане тяжело вновь и вновь осознавать, что он разбирается в характере ее дочери гораздо лучше, чем она сама. И более того, всегда понимал ее мужа, как никогда не смогла понять она.

– Ты должна принять это.

– Я не возражала против вашего общения. Я вижу, что она доверяет тебе, и знаю, что ты всегда будешь на ее стороне. Но я никогда не смогу смириться с той ролью, которую вы отводите ей в этом безумном мире...

– Твой муж был частью этого мира.

Она покачала головой, показывая, что не хочет, чтобы ее перебивали.

– Я видела, как ты служишь ему, – Диана отстранилась, глядя на телохранителя так, словно видела его впервые. – Полностью отрекаясь от всего, целиком посвящая себя его делам. Но я не могу позволить, чтобы моей дочери, такому же ревенанту, как и ее отец, поклонялись, словно идолу! Я хочу, чтобы она осталась человеком!

– Поверь, Диана, именно для этого я был нужен... Я не давал забыть ему, что он человек.

Она промолчала, понимая, что не сможет продолжать бороться с ним и с враждебным миром, который уже отнял у нее одного ребенка и подбирается к другому. Еще раз посмотрела в окно, по которому текли холодные потоки воды, и тихо вышла из комнаты.

Ричард отправился на поиски Виттории.

Девушка нашлась в библиотеке. Она угрюмо просматривала стопку журналов трехлетней давности.

– Насколько я понимаю, тебе нечего делать.

– И как ты догадался, – проворчала она и тут же взглянула на Ричарда с надеждой, ожидая, что он сможет развеять ее скуку.

– Тогда идем со мной. Думаю, я знаю, чем тебя занять.

Заинтригованная Виттория быстро поднялась из кресла и отправилась следом за телохранителем отца.

– Это надежное убежище, – говорил он, шагая по коридору, ведущему к лестнице в подвал. – Оно полностью оборудовано для того, чтобы выдержать долгую осаду.

– Кто его построил? – спросила девушка, уже более благожелательным взглядом обводя стены, обшитые деревом, и висящие на них небольшие картины с изображением полевых цветов.

– Твои предки. И те, кто служил им.

Виттория с интересом взглянула на телохранителя, а он продолжил:

– Оно не настолько примитивное, как кажется на первый взгляд. Под нами, в скале, бункер, из которого идет подземный ход. По нему можно уйти на другую сторону фьорда. Я покажу тебе. Кроме того, здесь кругом установлены магические ловушки. Ты должна чувствовать их.

Девушка застыла на мгновение, глядя на букетик васильков, цветущих на очередной картинке, и с легким разочарованием покачала головой:

– Нет. Ничего. Хотя, может быть, и чувствую, но не понимаю этого.

Ричард молча кивнул, решив пока не заострять внимание на магических способностях ревенанта.

Телохранитель привел девушку в довольно просторный спортивный зал полуподвального помещения.

– И чем таким необычным ты хотел меня здесь удивить? – спросила Виттория, осматривая скучные, плохо оштукатуренные серые стены и несколько старых тренажеров.

– Я не могу научить тебя тонкостям твоей магии, – сказал Ричард, направляясь к груде

матов, сваленных в углу. – Но могу помочь научиться защищаться от физической атаки.

– Физической атаки? – недоверчиво переспросила Виттория. – Ты хочешь сказать, что собираешься учить меня драться? Но это глупо. Я не справлюсь ни с одним вампиром.

– Твой отец справлялся. Значит, справишься и ты. – Ричард бросил на пол в центре зала несколько матов. – Ты сильнее любого человека, более вынослива и быстра. И должна уметь защищаться.

– Если это так, почему отец не учил меня ничему подобному раньше? – с прежней настороженностью спросила она.

– Он был слишком мягок с тобой. Слишком берег. Слишком хотел, чтобы у любимой дочери была нормальная жизнь.

– Как всегда, не знал, что со мной делать... – хмуро подытожила Виттория. – Ладно, допустим, что ты не ошибаешься. Но если я все-таки не смогу справиться с вампиром?

– Я научу тебя стрелять, – улыбнулся телохранитель.

– Когда мама узнает, она сойдет с ума, – сказала Виттория, снимая кроссовки и заходя на мат. – Ну, хорошо, научи меня защищаться.

Они начали с основных приемов. Ричард не ошибся. Виттория действительно была выносливой и гибкой. Но неуверенной в своих силах.

– Как ты можешь двигаться так быстро? – недовольно спрашивала она, вновь поднимаясь с мата, на который упала, сбита с ног очередной подсечкой.

– Еще раз, – приказывал Ричард. – Следи за моими движениями. Ты должна делать это еще быстрее...

Через два часа после начала занятия растрепанная и уставшая Виттория сидела на мате рядом с Ричардом очень недовольная своими пока еще весьма скромными успехами.

– А ты говорил, я сильнее человека, – огорченно сказала она, растирая запястья. – Что-то не заметно.

– Тебе нужно постоянно тренироваться, – миролюбиво ответил телохранитель. – И у тебя есть преимущество. Ты будешь обучаться быстрее любого простого смертного.

Виттория улыбнулась, немного ободренная его уверенностью. Помолчала, разглядывая зал уже без прежнего раздражения.

А Ричард заговорил о том, что еще, по его мнению, ревенант должна была знать:

– Твоя мать сделала все правильно, увезя тебя из Столицы. Это было верное решение, хотя и спонтанное. И она делает все возможное, чтобы защитить тебя.

– Я знаю, – нехотя признала Виттория.

– Но я хочу, чтобы ты понимала, – перебил девушку телохранитель. – Это надежное убежище, однако мы не можем рассчитывать только на него. Как только кому-нибудь понадобится избавиться от ревенанта, тебя начнут искать. И найдут. Это вопрос времени.

В глазах девушки мелькнул и тут же погас страх. Она внимательно смотрела на помощника отца, понимая, что он не просто запугивает ее, а наверняка собирается предложить какой-то серьезный план.

– Если на нас нападут, ты должна будешь использовать свою силу. Всё, чем обладаешь. А я помогу тебе.

– Но ты человек! – воскликнула она. – Что ты можешь?

– Я могу пару минут противостоять вампиру. Отвлечь его на себя. У тебя будет время, чтобы сосредоточиться, собрать всю магию.

Виттория удивленно приподняла брови – для нее было новостью, что Ричард в состоянии сопротивляться могущественным кровным братьям.

– Но как ты сможешь это сделать?

– Я телохранитель Корвинуса, – ответил тот с улыбкой. – Меня учили защищать ревенанта.

Девушка улыбнулась в ответ. Новость о том, что ей не придется сражаться с враждебными вампирами в одиночку, придавала твердости.

– Ты должна научиться уверенно пользоваться своей магией, – повторил Ричард.

– Я бы с удовольствием, но как?

– Я покажу тебе несколько упражнений, которые делал твой отец. Ему они помогали.

Девушка подалась вперед, всей позой выдавая напряженное внимание и нетерпение:

– Ну, давай попробуем.

Было видно, что ей отчаянно не хватает знаний, опыта, общения, связанного именно с магией. Она слушала Ричарда с жадным вниманием, готовая принять помощь даже от человека.

– Сядь удобнее...

Виттория поерзала немного на продавленных матах, устраиваясь, сначала вытянула ноги, но тут же поменяла позу, усевшись по-турецки. Телохранитель невольно улыбнулся – она напомнила ему Филиппа, выполнявшего свои медитативные упражнения.

– Теперь расслабься. Закрой глаза и старайся не думать ни о чем постороннем. Представь, что твоя голова пуста – ни мыслей, ни чувств, ни воспоминаний.

Виттория приоткрыла глаза и с веселым недоумением взглянула на Ричарда:

– Отец что, подробно рассказывал тебе, как проводит свои магические тренировки?

– Да, рассказывал. Не отвлекайся.

Девушка снова опустила веки, приготовилась слушать дальше.

– Как только достигнешь состояния полного покоя, вообрази, что в пространстве вокруг тебя висит несколько солнечных шариков. Ты должна заставить их приблизиться, представить, как они превращаются в сеть, которая закрывает тебя от всего окружающего мира. Подожди несколько секунд, а затем накинь ее на все вокруг. Постарайся, чтобы она раскинулась как можно дальше.

Сначала Виттория слушала его, напряженно хмурясь, потом лицо ее расслабилось, опущенные ресницы перестали вздрагивать. Она целиком погрузилась в себя, честно пыталась выполнить упражнение, правда, Ричард не мог в полной мере оценить ее усердия. Оставалось надеяться на старательность ревенанта.

В полной тишине тренажерного зала было слышно лишь едва уловимое поскрипывание старых половиц над головой – отголосок шагов Дианы и тихое дыхание Виттории.

Через несколько минут девушка вдруг распахнула глаза и повернулась к телохранителю:

– Знаешь, а я ведь что-то почувствовала... какое-то... как будто потустороннее присутствие. Что-то неподвижное. – Она запнулась, машинально поддевая ногтем трещину в коже мата. – Не могу объяснить. Наверное, это и были те самые артефакты защиты, о которых ты говорил.

– Может быть, – ответил Ричард. – Если будешь постоянно тренироваться, твоя сила будет расти. Филипп говорил, что ревенант способен накрыть своей магией территорию в несколько километров и парализовать магию всех, находящихся на ней.

Виттория задумалась. Представляла возможности своей силы или пыталась понять,

сколько времени ей понадобится, чтобы научиться всему, что знал ее отец.

Потом снова удобнее устроилась на мате, закрыла глаза. На этот раз она просидела, не двигаясь и, казалось, не дыша, гораздо дольше, а закончив медитацию, выглядела довольной, но и гораздо более усталой.

– У меня получилось растянуть сеть на весь подвал, – сказала она, завязывая волосы в хвост на затылке и явно готовясь вновь повторить упражнение, – и даже зацепить часть комнаты.

Ричард посмотрел на часы:

– Тебе надо сделать перерыв. Отдохнуть. Поесть и выпить кофе. Магия будет забирать у тебя больше сил, чем физические тренировки.

– С отцом было так же? – спросила Виттория, проводя обеими руками по бледному лицу.

– Да. После особо мощного магического воздействия. – Телохранитель помолчал, а затем сказал: – Ты должна реально представлять свою силу. Такие, как ты, могут лишать вампиров не только магического могущества, но если ревенант обладает достаточной мощью, он способен отнять у кровных братьев и физическую силу, делая их почти равными смертным.

– Это звучит не очень правдоподобно, – пробормотала Виттория, ошеломленная подобными перспективами.

– Раньше, довольно давно, – продолжил Ричард, – ревенанты в союзе с людьми убивали вампиров.

– Убивали? – недоверчиво прищурилась девушка. – Мне казалось, Корвинусы всегда действовали в союзе с кровными братьями.

– Не всегда, – сдержанно улыбнулся Ричард. – У тебя довольно разветвленное генеалогическое древо. Кое-кто из твоих предков считал, что вампиры не должны существовать, и уничтожал их с помощью смертных. Но затем род ревенантов сократился до одной семьи, из которой ты и приходишь.

Виттория задумалась, глядя в пустоту ничего не выражающим взглядом, словно вновь погружившись в выполнение магических упражнений. Ричард понимал, почему ей должен быть неприятен подобный поворот разговора. Среди ее друзей были кровные братья, ее брат сам стал киндрэт, ей нравился Дарэл Даханавар.

– Ты обратила внимание, что территория вокруг дома ухожена, в вазах свежие цветы, комнаты убраны? – спросил он.

Виттория кивнула:

– Да. Ты прав. Так и есть. Хочешь сказать, за домом кто-то присматривает?

– На берегу фьорда живут люди, наблюдающие за этим убежищем. Они следят за всеми катерами, направляющимися в эту сторону. Если что-то покажется им подозрительным, они сразу сообщат об этом мне, и мы успеем уйти. Еще и поэтому я говорил, что наше убежище надежно защищено.

Девушка с изумлением взглянула на него:

– Ты же говорил, это тайное место?! О нем никто не знает!

– Эти люди из тех человеческих семей, которые на протяжении многих лет знали о существовании вампиров. И ревенантов. Кто-то из людей работает на кровных братьев, прекрасно понимая, кому именно служит, убивая по их приказу, зарабатывая для них деньги и развлекая. А эти смертные служат Корвинусам. Когда-то давно это был целый орден,

состоящий из тех, кто боролся с вампирами, убивал их. Теперь осталось всего несколько семей. Из них же вербуют телохранителей для ревенантов. Так что мои предки, – Ричард невесело улыбнулся, – тоже были охотниками на вампиров.

Глаза Виттории широко распахнулись:

– Я никогда ничего не слышала об этом.

– Отец не говорил тебе?

Она отрицательно покачала головой.

– Значит, просто не успел.

– Он очень многое не успел, – с горечью проговорила девушка, отворачиваясь.

Ричард ничего не сказал на это. Филипп, хоть и знал прекрасно о своей смертной сути, думал, что впереди у него еще много времени. И теперь телохранителю пришлось взять на себя сложную задачу введения юной ревенанта в курс дела ее жизни.

«Тебе не нужно было приглашать Даханавара, – думал Ричард, обращаясь к погибшему Корвинусу, – достаточно было попросить меня помочь ей. Видишь, теперь мне все равно придется заниматься с ней вместо тебя».

– Если они знали о существовании вампиров, – спросила девушка хмурясь, – то почему не сказали об этом остальным людям? Они могли объединиться и уничтожить всех киндрэт.

– Они уже объединялись. – Ричард поднялся, вынул из своей сумки, лежащей у стены, бутылку минеральной воды и подал Виттории. – И ты знаешь, чем это закончилось. Вампиров начали убивать, а они стали защищаться. И в итоге погибло множество людей.

– Да, я помню, – ответила она, машинально вертя в руках бутылку. – Вампирическая эпидемия. Но все же с помощью ревенанта можно было истребить всех киндрэт?

– Мой учитель, телохранитель твоего деда, говорил, что в существовании вампиров есть высший смысл, – сказал Ричард, поднимаясь. – Вампиры – зло. Но они созданы из людей. Со всеми их недостатками и достоинствами. И однажды придет время поставить их между людьми и чем-то гораздо более страшным, чем сами кровные братья. С их помощью можно победить большее зло.

– Основателя? – тихо спросила Виттория, забыв о своем негодовании и глядя на телохранителя снизу вверх.

– Да, – так же негромко ответил Ричард.

Глава 8

В мир под крестом

Мне всегда хочется знать как можно больше о новых друзьях и как можно меньше о старых^[12].

5 мая

Кэтрин шла по зеленой траве. Босые ступни чувствовали шелковую прохладу. Туман лип к подолу платья, а влажный, свежий ветер овеивал лицо и шею. Наконец-то она могла дышать. Тяжесть, сдавливающая грудь, разбилась, осыпалась мелкими колючими крошками.

Глаза бэньши видели то, что было на самом деле, а не мутные миражи, порожденные больным разумом.

Крест, виднеющийся далеко впереди, на фоне бледного неба казался темной фигурой в зеленом плаще, широко раскинувшей руки, желающей заключить ее в объятия. И женщина была готова доверчиво потянуться к ним.

...Но в этот миг иллюзия рассеялась. Кэтрин снова оказалась в тесной темной комнате. Такой тесной, что едва могла пошевелить рукой, голова упиралась в одну стену, ноги – в другую. В первый миг ей показалось, будто она лежит в гробу, но тогда откуда красный свет, бьющий изо всех щелей между досками? Он был горячим и вязким, покрывал кожу липкой пленкой и ложился на лицо душной подушкой, лишая воздуха.

Кэтрин как будто со стороны услышала свой стон, дернулась, и деревянная нора, где она лежала, лопнула. Во все стороны полетели щепки и труха. В красном мареве появилось лицо. Очень знакомое, очень красивое, хотя и немного утомленное.

– Ты опять не спала, – сказал Анри, касаясь ее шеи теплыми, нежными пальцами.

– Я не люблю красный цвет, – ответила Кэтрин, глядя в его глаза, которые сегодня из темно-серых стали зелеными. – Ты же знаешь, как я его не люблю.

– Ты голодна?

– Я видела твою смерть. Как глупо, правда? Я видела, как ты умираешь, но ведь этого не может быть?

– Тебе показалось. – Он погладил ее по волосам. – Я с тобой.

– Этот мальчик, Лориан, пытался дать мне свою кровь. Но она не текла. Я прокусывала его руку, но крови не было.

– Поспи. Тебе станет легче.

– Слишком много красного. Убери его! Он сводит меня с ума!

Кэтрин снова рванулась, пытаясь сбросить алую тряпку, которой вдруг оказались завязаны ее глаза, и провалилась в полную темноту...

Основатель поднялся и несколько раз прошелся по комнате. В раздражении пнул кресло. То, что вначале представлялось ему очень простым, неожиданно осложнилось. И препятствие заключалось в самой Кэтрин. Его проводник оказалась неспособна даже понять, что от нее требуется, не то что выполнить элементарное пожелание – войти в мир кадаверциан.

– Она меня не видит, не слышит и не понимает, что с ней происходит, – сказал Агум багровому единорогу, вытканному на алой материи гобелена.

В ответ тот вздернул голову, и его свирепая морда оскалилась в надменной ухмылке. Впрочем, это было всего лишь игрой ветра, пробежавшего между тканью и драпировкой.

– Безумие надежно защищает ее, – продолжил Агум, не обращая внимания на пренебрежение своего высокомерного молчаливого собеседника. – Она видит то, что хочет, пребывает с теми, кого любит, и не желает отказываться от своих иллюзий.

Единорог тяжело опустился на передние ноги, из-под его копыт брызнули красные капли, напоминающие свежую кровь. Видимо, это могло считаться ответом на еще пока не заданный вопрос Основателя.

– Быть может, боль вернет ее в этот мир? – задумчиво произнес он.

Агум посмотрел на Кэтрин, пребывающую в счастливых иллюзиях, и позвал мысленно. Ответили ему, как всегда, мгновенно и конечно же утвердительно. А через несколько минут в дверь постучали.

– Входи, – велел Основатель, усаживаясь в кресло напротив кушетки, на которой лежала Кэтрин.

Ученик Якоба осторожно зашел в комнату, увидел бэньши и тут же отвел взгляд в сторону. Его мысли мгновенно оцетинились десятками подозрений и опасений. Он не хотел принимать участия ни в каких делах гостя, тем более связанных с кем-либо из кадаверциан, но не мог отказать.

– Доброй ночи, Кайл, – чрезвычайно вежливо произнес Агум. – Все еще никаких вестей от учителя?

Тот не ожидал подобного вопроса, но постарался держать себя в руках и не выдать Якоба случайным словом или мыслью. Он действительно не знал, куда пропал его наставник, но подозревал, что Основатель в состоянии догадаться об этом, увидев даже обрывочное, бессвязное воспоминание, не связанное с учителем.

– Я не знаю, где он, – быстро ответил асиман, стараясь не смотреть в глаза опасному гостю.

– И у тебя нет никаких догадок?

Кайл попытался рассердиться, уже зная, что злость помогает ему держать под контролем свои воспоминания.

– Вы позвали меня только для того, чтобы поговорить об учителе?

Агум улыбнулся, глядя на угрюмого пиромана. Приятно было наблюдать подобную преданность.

– Нет, я позвал тебя по другому делу. Ваша магия может причинять сильную боль, не так ли?

– Да, – осторожно ответил Кайл, недоумевая, почему Основатель уточняет столь очевидные вещи. Ведь он и сам знал об этом.

Тот указал на Кэтрин и велел:

– Тогда сделай одолжение, продемонстрируй свое искусство на ней.

Асиман, не ожидавший ничего подобного, в недоумении уставился на Агума.

– Но зачем?

Основатель промолчал, продолжая приятно улыбаться и выжидающе смотреть на Кайла. Впрочем, тот быстро вспомнил, что гость не имеет привычки делиться своими планами и требует лишь четкого исполнения приказов. Поэтому поспешно отвернулся от него и еще раз взглянул на бэньши.

Пребывая в своих грезах, она была удивительно красива и беззащитна. Несколько минут

Кайл смотрел на ее длинные ноги, на бледное лицо, по которому витала тень легкой улыбки, на волосы, свешивающиеся почти до пола. Поднял руку, в которой загорелся красный огонь, отошел на шаг, потоптался на месте, сжал пальцы в кулак, явно собираясь с духом, а потом плечи его опустились, и магия в пальцах погасла.

– Я не могу, – сказал он глухо.

– Почему? – поинтересовался Агум, удивленный подобной нерешительностью.

Ученик Якоба промолчал. Он считал себя ученым и не желал, чтобы его использовали как палача. Это казалось ему унижительным.

Основатель внимательнее посмотрел на Кайла, и асиман вдруг съежился под его взглядом. Поспешно отвернулся, вновь поднял руку, а затем пламя, сорвавшееся с нее, упало на Кэтрин.

Тело женщины вспыхнуло. Вонь горячей плоти поплыла по комнате удушливым облаком. Бэньши с криком выгнулась дугой на кушетке. Лохматое пламя, окутавшее ее, стало похоже на драгоценный шлейф, вокруг головы взметнулся алый нимб горящих волос. Руки, оплетенные огненными браслетами, вцепились было в кровать, но тут же расслабились и повисли чернеющими сожженными плетями.

По знаку Основателя Кайл сбросил пламя с Кэтрин, словно тяжелое ватное одеяло. Она снова рухнула на кушетку, и Агум поспешил подойти к ней. Наклонился.

В ее широко распахнувшихся глазах, похожих на тусклые озерца, не было ни единой мысли. Обожженные губы бормотали что-то невнятное. Боль, которую бэньши испытала только что, стала для нее новым кошмаром, не имеющим никакого отношения к реальности и к Основателю.

Кайл приблизился, с профессиональным интересом осмотрел обожженное тело. Неодобрительно покачал головой.

Основатель бросил взгляд на единорога, пляшущего на гобелене, и понял, что сейчас его постигнет новое разочарование, но все же приказал:

– Ударь еще раз.

Асиман бросил новое заклинание. На этот раз в крике бэньши прозвучало имя учителя. Прошрое и будущее перепутались в ее сознании. Она снова была смертной, которую тащат на костер. И ждала, чтобы Анри спас ее от озверевших крестьян, посчитавших ведьмой девушку, обладающую редким некромантическим даром.

Кайл поспешил потушить огонь, опасаясь, что в итоге просто спалит ее.

– Если вы дадите ей время на восстановление, я могу попробовать еще раз, – сказал асиман задумчиво, забыв о роли палача, раздражавшей его совсем недавно, и теперь глядя на Кэтрин, как на очередной любопытный опытный образец. – Но, по-моему, это бесполезно... Впрочем, я мог бы синтезировать вещество, которое причиняло бы ей боль изнутри, не убивая...

– Лучше бы ты синтезировал что-нибудь, что вернет ей рассудок, – ответил Агум.

Кайл неожиданно серьезно задумался над его предложением.

– Я посоветуюсь с Фарихом. Он занимался чем-то подобным.

– Хорошо. Иди, работай. Но сначала убери эти красные тряпки. – Основатель указал на драпировки. – Замени на зеленые.

Асиман кивнул и, довольный тем, что так скоро освободился от общества Агума, поспешил выполнять распоряжение. Скоро алая ткань со стен была снята, на ее место повесили зеленые ковры, которые должны были больше прийтись по душе Кэтрин.

Остался лишь единорог, удивительным образом переместившийся с красной портьеры на изумрудное поле.

– Как бы самому не сойти с ума вместе с ней, – пробормотал Основатель, глядя на косматого зверя, топчущего шерстяной ворс.

Ожоги на теле бэньши постепенно затягивались, но она не реагировала на боль регенерации. Агум сидел, покачиваясь на стуле, отстраненно наблюдал, как на лице безумной то появляется, то исчезает легкая улыбка, и напряженно размышлял.

Пока он не знал, как заставить Кэтрин сделать то, что ему нужно. Он не ожидал от нее столь упорного сопротивления... Но был уверен, что рано или поздно все равно поймет, как ее сломать.

– А ведь у меня была возможность убить всех кадаверциан, – продолжил Агум свой монолог вслух. – Жаль, что не удалось.

Основателю пришлось очень долго копаться в памяти Вольфгера, чтобы понять, что представляет для него настоящую угрозу в этом мире. Лориан, на котором лежала тень Витдикты, ревенант и, как это ни смешно звучало – вампирские кланы. Те самые, кого он создал, чтобы спастись.

Чтобы навсегда избежать возможности Большого круга, он должен устранить какой-то из них.

Убить Лориана не получилось. Можно попытаться сделать это вновь, пожертвовав кем-нибудь из асиман или оставшихся в живых приспешников Храньи, но теперь в этом нет особого смысла. Если даже по приказу Агума уничтожат мальчишку, вампиры в состоянии обратить еще одного человека и вновь провести его через Витдикту. Это рискованно, но осуществимо.

Уничтожить целый клан... У него была возможность расправиться с кадаверцианами, но двое из них ускользнули. Нашли лазейку, в которую он никогда не сможет последовать за ними.

– Я мог бы вырезать асиман, – сказал Агум, обращаясь к Кэтрин, вновь вернувшей свою привлекательность. – Но Якоб по-прежнему держится вдали от родного гнезда и недоступен для меня. Значит, остается только одно... одна.

Юная Виттория. Если убить ее, род ревенантов прервется навсегда. И уже никто никогда не сможет угрожать ему. Кроме гин-чи-най, естественно.

Основатель поморщился и вновь с досадой взглянул на Кэтрин, упорно не желающую понять, как ему нужна ее помощь. Мысленно позвал Хранью.

Нахтотерин откликнулась на его зов так же быстро, как и асиман, но с гораздо большим энтузиазмом. Агум предпочел бы встретиться с девушкой в более нейтральной и даже, может быть, романтической обстановке, но не мог оставить Кэтрин одну. Было бы обидно пропустить то мгновение, когда у нее пробудится разум.

– Ты звал меня? – спросила Хранья, входя в комнату.

Это был вопрос, не требующий ответа.

Девушка излучала искреннее желание оказаться полезной. Она взглянула на обнаженную бэньши, лежащую на черном от копоти диване, заметила постепенно затягивающиеся ожоги на ее теле и равнодушно отвернулась, благоразумно решив не вмешиваться не в свое дело.

– Есть какие-нибудь новости о ревенанте?

– Еще нет, – осторожно ответила Хранья, заметила его недовольство и поспешила

уточнить: – Мы работаем над этим. Человек не может просто исчезнуть. Всегда остаются следы, по которым его возможно обнаружить. Телефонные звонки, заказ билетов, регистрация в отелях, съем жилья. И множество других мелочей. Мы найдем ее.

Атум невольно улыбнулся, слушая ее вкрадчивый голос.

– Мне нравится твоя уверенность.

Она улыбнулась в ответ, подошла ближе, опустила на пол рядом. Основатель запустил пальцы в ее теплые вьющиеся волосы и сказал:

– Как только обнаружите ревенанта, я хочу, чтобы ты ее убила.

– Я? – ошеломленно переспросила Хранья, отстраняясь от ласкающей ее руки.

– Можешь взять с собой кого-нибудь для компании, – великодушно отозвался Атум, вновь привлекая девушку к себе.

Нахтотерин немного помедлила с ответом и произнесла:

– Я не понимаю, какой смысл в убийстве ревенанта.

В ее голубых глазах, устремленных на Основателя, было столько искреннего недоумения, что он ответил почти правду:

– Она мне мешает.

– Чем?

– Своим существованием.

Девушка по-прежнему ничего не понимала, но по тону Атума быстро уяснила, что больше он ничего ей не скажет.

– Конечно, я сделаю то, о чем ты просишь. – Хранья снова взглянула на Кэтрин и поинтересовалась осторожно: – Это как-то связано с бэньши?

– В какой-то мере в этом мире все связано с кадаверциан. И с проклятыми даханавар, – Основатель поднялся и подошел к ковру, на котором продолжал резвиться единорог. – Например, мне не пришлось бы затруднять тебя поручением избавиться от ревенанта, если бы не глупость и малодушие Вольфгера. Еще несколько веков назад он мог убить предка нынешнего ревенанта – и последняя из них просто бы не появилась на свет.

Напряженное любопытство Храньи стало почти материальным.

– Я ничего не знаю об этом. – Она сидела, подтянув колени к груди и опустив подбородок на руки. Очень юная, очень женственная.

И Атум не стал мучить ее неведением.

– Это давняя история. Но ты можешь... – Он быстро подошел, рывком поднял ее на ноги, прислонился лбом к ее лбу, крепко сжал голову нахтотерин пальцами, впиваясь своим взглядом в ее расширившиеся от боли зрачки, и приказал: – Смотри.

[Купить полную версию книги](#)

Оскар Уайльд. Идеальный муж.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

«Позор тому, кто дурно об этом подумает!» (*старофранц.*). Девиз рыцарей ордена Подвязки.

Оскар Уайльд. Саломея.

Кренгельс (*морск.*) – кольцо, свитое из прядей троса.

Люггер (*морск.*) – легкое парусное судно с несколькими орудиями на открытой палубе.

Труп, мертвое тело – cadaver (*лат.*).

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Идеальный муж.

Оскар Уайльд. Молодой король.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания.

Слова Гильгамеша, полубогендарного правителя города Урука.

Эпос о Гильгамеше.

Э р р а – древне-ассирийский бог войны и мора.

Эпос о Гильгамеше. Перевод Н. Гумилева.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Идеальный муж.

Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Идеальный муж.

Оскар Уайльд. Саломея.

Оскар Уайльд. Святая блудница.

Эпос о Гильгамеше.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Упадок лжи.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Королевская вспышка *(англ.)*.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Упадок лжи.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. Идеальный муж.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Оскар Уайльд. De Profundis.